

STALKER

Василий Орехов

[ЗОЛОТАЯ КОЛЛЕКЦИЯ]
ПОХИЩЕНИЕ ПО-ЧЕРНОБЫЛЬСКИ

Василий Орехов
Золотая коллекция.
Похищение по-чернобыльски
Серия «Апокалипсис-СТ»
Серия «Хемуль», книга 2

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69422575

Золотая коллекция. Похищение по-чернобыльски: [фантастический роман] / Василий Орехов: АСТ; Москва; 2023

ISBN 978-5-17-156348-6

Аннотация

Цикл «Золотая коллекция» продолжается вторым романом Василия Орехова о сталкере Хемуле – «Похищение по-чернобыльски».

Когда любимая женщина в опасности, очень быстро забываешь и о мутантах, и об аномалиях, и о своих обещаниях никогда не возвращаться в Зону отчуждения. Зараженные земли по-прежнему несут угрозу каждому, кто посмеет пересечь Периметр, но у Хемуля нет другого выбора: его путь лежит в самый эпицентр катастрофы, к Четвертому энергоблоку ЧАЭС. А оттуда, как говорил один мультяшный страус, еще никто не возвращался.

Ранее книга выходила под названием «Линия огня»

Содержание

Василий Орехов	5
Глава 1	7
Глава 2	38
Глава 3	63
Глава 4	96
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Василий Орехов

Золотая коллекция.

Похищение по-чернобыльски

Серия «Stalker» основана в 2013 году

Издательство признательно Борису Натановичу Стругацкому за предоставленное разрешение использовать название серии «Сталкер», а так же идеи и образы, воплощенные в произведении «Пикник на обочине» и сценарии к кинофильму А. Тарковского «Сталкер».

Братья Стругацкие – уникальное явление в нашей культуре. Это целый мир, оказавший влияние не только на литературу и искусство в целом, но и на повседневную жизнь. Мы говорим словами героев произведений Стругацких, придуманные ими неологизмы и понятия живут уже своей отдельной жизнью подобно фольклору или бродячим сюжетам.

© Орехов В., 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Глава 1

Чертово яйцо

Я вам честно признаюсь, ребята: когда в тебя с сорока шагов целится из пистолета твой ближайший друг, которому ты не раз и не два спасал жизнь в Зоне, с которым ты плечом к плечу неоднократно отстреливался от военных сталкеров и мародеров, с которым ты всегда делился последней банкой тушенки и совместно с которым у тебя выпита не одна цистерна горюче-смазочных материалов в баре «Шти», – то удовольствие значительно ниже среднего.

Предельно паскудно это, если кто еще не понял. Как сказал в похожей ситуации страус из одного мультика, в таком дурацком положении я не оказывался даже в Канаде.

– Не дергайся, Хемуль, – сосредоточенно произнес Патогеныч, сжимая рукоять пистолета обеими руками. От напряжения голос у него слегка подрагивал, и вот это мне уже совсем не нравилось. – Стой спокойно. Вообще не шевелись, собака, не то я тебе вот такенную дырку во лбу сделаю. Будешь ходить с дыркой, как последний придурок.

Я судорожно облизал губы. Еще и еще раз измерил взглядом разделявшее нас расстояние. Черт. Черт.

– Ладно, брат, – проговорил я, стараясь, чтобы мой голос звучал сухо и независимо. Не уверен, что это у меня полу-

чилось, но я, по крайней мере, попробовал. – Решил стрелять, так стреляй, нечего разговоры разводить. Не в Верховной раде.

– Хемуль, ты меня не учи детей делать, – угрюмо хмыкнул Патогеныч.

Черное жерло пистолетного дула гипнотизировало меня, не давало отвести взгляд. Наверное, я смотрел на него, как кролик на удава.

Поймав себя на этом, я усилием воли скосил глаза, скользнув взглядом мимо Патогеныча, замершего в воротах полуразрушенной фермы. Краем глаза зацепил видневшийся вдали через пролом в стене лес, полуразрушенный железный шлагбаум, насмерть проржавевшие останки древнего ЗИЛа, который когда-то был припаркован на хоздворе да так навсегда там и остался, закрутившиеся огромной пенной спиралью причудливые облака в пронзительно-синем небе.

Подсознательно каждую секунду ожидая выстрела, придиричиво оглядел серые стены помещения. Всё, что находилось внутри, было либо серым, либо черным, либо паутиной. Всеобщая разруха, мерзость запустения.

Войдя в этот чертов коровник, я еще от входа заметил на стене плотоядный гриб-невидимку, вздувшийся уродливым наростом посреди неряшливых сырых пятен на потемневшей от старости штукатурке, но потом меня отвлекли начавшиеся крутые неприятности, и я теперь никак не мог вспомнить, где именно он сидит: поганое хищное растение идеаль-

но сливалось с окружавшей его серостью, чернотой и паутиной. Впрочем, какое мне теперь до него дело, если секундомер моей жизни, похоже, отсчитывает последние сладостные мгновения? Какими все-таки пустяками всегда забита голова в моменты смертельной опасности...

Не верьте тем книжным романтикам, которые утверждают, что за миг до смерти перед глазами человека проходит вся его жизнь. Чепуха, авторитетно заявляю как эксперт в данном деле. В этот момент в совершенно пустой голове болтаются только пара одиноких мыслей про спрятавшийся гриб-невидимку и обожженное жгучим пухом плечо, а также дурацкое мимолетное сожаление по поводу того, что куча денег за драгоценный артефакт, из-за которого ты сейчас почти наверняка останешься лежать здесь с простреленной башкой, благополучно промарширует мимо тебя. Да еще истерично мерцающее на краю сознания, как зеленый человечек на светофоре: «Нечестно! Нечестно!»

Всякие умники-новички наивно полагают, что настоящий крутой сталкер должен думать исключительно мужественным матом, особенно в критических ситуациях, а слово «нечестно» годится разве что для детского сада или подростковых повестей; ступайте к дьяволу, умники. Почему-то все окрестные земли усеяны вашими костями, а не моими.

Впрочем, какая разница, если конец все равно один. Топтал я Зону во много раз дольше вас, умники, а что толку?

Я устало закрыл глаза, не в силах больше видеть много-

летние пыль и паутину вокруг. Выстрела всё еще не было. Неправильно это, когда последнее, что видишь перед смертью, — пыль и паутина. Есть в этом какая-то высшая подлость.

Как только зрение перестало передавать в мозг свои восемьдесят процентов информации, сразу обострились все остальные чувства. Иногда я пользовался этим приемом, когда не мог понять, что именно тревожит меня на маршруте, почему я никак не могу сделать следующий шаг по тропе, хотя глаза не различают ни малейшей опасности. Часто это срабатывало, и я быстро обнаруживал источник тревоги.

На грани слышимости тут же обозначился далекий гул винтов — патрульный вертолет миротворцев барражирует над Мусоркой. Едва ли он направится в нашу сторону, тут же автоматически щелкнул аналитический центр в моей голове: закладывает вираж над Собачьей деревней в сторону Периметра.

Тянет пронзительно-горелым и чем-то кислым от трупа свиномрази, валяющегося в соседнем стойле.

Ребристая поверхность головки болта в пальцах. Зачем мне теперь болт? Ладно, пусть будет. Умереть с болтом в руках — мечта любого сталкера! Прекрасная героическая фраза, по уровню идиотизма вполне заслуживающая быть вставленной в мультик про страуса.

Тяжелое прерывистое дыхание Патогеныча, отчетливо доносящееся даже с такого расстояния. Неплохо бы ему нако-

нец бросить курить, не то рак легких в ближайшие несколько лет сведет его в могилу. А ведь не так-то просто выстрелить в своего старого боевого товарища. Ломает, брат, правда?

Выстрела все еще не было. Интересно, я успею услышать выстрел или умру быстрее, чем его грохот догонит убежавшую вперед пулю?..

И еще тонкий отвратительный звук в окружившем меня непроглядном мраке – прямо передо мной. Едва уловимый, на грани слышимости, перекрываемый даже шепотом травы под порывами ленивого ветра, но от этого не менее зловещий и неприятный – словно кто-то снова и снова ударяет смычком по обратной стороне двуручной пилы, и ее изгибающееся полотно тонко вибрирует, плачет и поет неестественным голосом, захлебываясь и всхлипывая, словно неземное существо с четырьмя пулевыми ранениями в груди.

Решив все-таки, что дожидаться выстрела с закрытыми глазами неконструктивно, я снова уставился точно в дуло «беретты». Привет, родная.

А начинался этот поганый день совсем неплохо. Заночевав в баре «Сталкер», мы с Патогенычем рано утром вдвоем выдвинулись на Полигон. Солнце пекло как бешеное, даже не верилось, что уже глубокая осень. Впрочем, в Зоне всегда глубокая осень, даже поздней весной.

Последний выхлоп был давно, так что до Полигона у нашего клана уже имелась более или менее провешенная тропа – не то чтобы совершенно безопасная, но, по крайней мере,

минимально обозначенная на местности. Другой вопрос, что дальше, на севере уровня, куда мы сейчас направлялись, аномалии всегда стояли стеной, и даже самые матерые ветераны предпочитали не забираться сюда поодиночке или в паре.

На Полигоне часто рождаются хорошие артефакты, но такой риск все равно не оправдан. Для вылазки требуется пять-шесть минимально обученных отмычек, на всякий случай. Для собственного спокойствия. И опытный помощник ведущего. Опять же и от мародеров с кабанами чтобы можно было без особого труда отбиться, если что.

Однако, когда несешь в контейнере жутко дорогой артефакт, а вокруг тебя пять-шесть непредсказуемых стволов, ситуация выходит довольно двусмысленная. Да и хабар приходится потом делить на всех, если ведешь с собой полдюжины отмычек. Не сказать, чтобы мы с Патогенычем по жизни были патологически жадными, но, когда он плюхнулся рядом со мной на высокий табурет бара «Шти» и выложил на стойку распечатку битого файла с ПДА одного погибшего бродяги, труп которого обнаружил неподалеку от брошенной военной базы, я сразу понял, что отмычки нам в этом деле ни к чему.

Судя по всему, сталкер из клана «Небеса» ходил на Полигон один. Иначе было бы непонятно, почему напарники бросили его тело в Зоне прикованным жадинкой к бетонной плите, со всем оружием и снаряжением, а также столь ценной информацией. За его портативный компьютер Пато-

геныч, кстати, получил некоторые деньги от системного гения Че; тот наверняка огреб вдвое больше, продав его «Небесам», но это уже не наш бизнес.

Вот только предварительно мой коллега пошарил в ПДА покойника и скачал себе всю любопытную информацию, которая нашлась в электронной памяти. А один битый файл из корзины и вовсе затер – так, на всякий случай.

Внимательно изучив распечатку этого самого файла, я поднял глаза на Патогеныча:

– Это именно то, о чем я думаю?

– Пес тебя знает, о чем ты думаешь, – резонно отозвался Патогеныч, поднимая тремя пальцами стопку прозрачного. Выпив, задумчиво крикнул, поставил стопку на стойку и постучал обломанным ногтем по листу бумаги передо мной: – Но вот это должно быть страшно интересно, брат.

Я уже и сам понял. Так спросил, на всякий противопожарный случай. На распечатке были снимки участков местности и показания детектора аномалий. Очень размытые снимки и очень приблизительные показания детектора аномалий. Однако этого уже хватало, чтобы рискнуть.

Кипятить твоё молоко!.. Паренек из «Небес» оказался вполне опытен, чтобы сообразить, что именно может означать такое расположение аномальных полей, но недостаточно опытен, чтобы не делать по этому поводу никаких записей на ПДА. А может быть, он сам ничего не понял и специально записал данные, чтобы потом показать их какому-ни-

будь ветерану и выяснить поточнее, что означает такая удивительная картина.

А означала она одну простую, но немаловажную вещь: богатство. Или мгновенную смерть – ну, это уже как карта ляжет...

– Яйцо, – сказал я, деловито придвигая к себе свою порцию прозрачного.

– Точно, – проговорил Патогеныч, отобрав у меня распечатку и тщательно упрятав ее во внутренний карман джинсовой куртки. – Еще громче крикни, собака, а то, может, еще не все в баре тебя слышали.

– Опасное дело, – сказал я, из вежливости понижая голос, хотя и так уже говорил почти шепотом. – Бочка с порохом.

– Куча денег, – немедленно отозвался Патогеныч. – Две кучи денег. Последнее яйцо было обнаружено три года назад. Стало быть, три кучи денег.

– На двоих, – на всякий случай уточнил я, чтобы потом не возникло какого-нибудь трагического недопонимания между компаньонами.

– Понятное дело. Четыре кучи денег на двоих. Молодняк внутрь не пошлешь, весь попередохнет на первых же шагах, а если они не пойдут внутрь – на кой хрен вообще брать их с собой? Деньги девать некуда? А лишний ветеран погоды не сделает, будет только мешаться.

– Нужно сначала договориться с Бубной, – озабоченно проговорил я. – У него может просто не оказаться при се-

бе столько карбованцев, когда мы притащим ему эту штуку. Пусть приготовит нужное количество денег заранее.

– И надо сразу просчитать и договориться, как будем уходить из бара с такой суммой, – добавил Патогеныч. – Тут возможны всякие неожиданности. И как потом этой суммой распорядиться. Потому что распорядиться надо будет предельно быстро, слухи пойдут моментально...

На этом предварительные переговоры закончились, потому что на соседний табурет за стойкой приземлился Фаза. Хороший человек – Фаза, но зачем ему знать про чертово яйцо? Вот и я говорю: совершенно незачем хорошему человеку Фазе знать про чертово яйцо.

Через Периметр мы с Патогенычем прошли как нож сквозь масло. Красиво. После достопамятного грандиозного прорыва военные пока так и не сумели полностью восстановить целостность первой линии обороны, поэтому особых проблем у нас не возникло. Мы аккуратно вскрыли забор из колючей проволоки, аккуратно залатали дыру, в ударном темпе преодолели минное заграждение и успели раствориться в лесу прежде, чем со стороны Чернобыля-4 донесся стрекот патрульных вертолетов – то ли летящих по нашу душу, то ли совершающих плановый облет территории.

Подстраховывая друг друга, мы пересекли по короткой диагонали Мусорку, успешно миновали Технопром, без особых приключений обогнули по берегу Чистое озеро и выбрались к бару «Сталкер». Здесь заночевали, потому что в Зо-

ну мы вошли вечером, наскоро собравшись сразу после военного совета в «Штях». Лезть в лабиринт аномальных полей ночью, в крошечной тьме – нет, спасибо, я знаю более изящные способы самоубийства.

Зверья на маршруте нам встретилось негусто: Большой Прорыв забрал слишком много биомассы, которую пожгли на подступах к Киеву военные, и теперь твари усиленно плодились и размножались где-то в глубинах Зоны, у Четвертого энергоблока, пытаясь восстановить свою былую численность. За всю вылазку мы подстрелили лишь свиномразь, кабана, трехдохлых собак недалеко от Собачьей деревни и троих мародеров. В общем, до самого Полигона не израсходовали и по магазину патронов. Курам на смех.

Мародеры зачем-то напали на нас на окраине Мусорки, хотя было очевидно, что мы пустые идем в Зону, а не возвращаемся с хабаром. Впрочем, с нас и без того было что снять: с первого взгляда становилось ясно, что люди идут бывалые, обстоятельные, экипированные по всем правилам. Пары наших ПДА уже хватило бы, чтобы скромно посидеть в баре «Шти». Плюс датчики аномалий, плюс оружие, плюс крепкие ботинки, в которых удобно топтать Зону.

Однако с первого же взгляда должно было быть видно, что связываться с такими серьезными людьми себе дороже. Я бы, честно говоря, не удивился, если бы узнал, что мы обнаружили мародеров на несколько мгновений раньше, чем они нас. Все-таки мы с Патогенычем досконально знаем все ме-

ста на Мусорке, где можно устроить правильную засаду.

Короче, едва только завязалась перестрелка, мы сразу пришили двоих короткими очередями к деревьям, за которыми они прятались. Третий пытался уйти, но целеуказатель моего «хопфула» не подвел и на сей раз. Не зря я забрал эту игрушку у Хе-Хе перед тем, как он навсегда покинул Зону. Машинка охотно жрала стандартный сорок пятый патрон от «М-16», так что проблем с боеприпасами у меня не возникало.

На трупах мародеров мы не обнаружили почти ничего интересного и реквизировали только патроны, полбутылки водки и початую пачку сигарет. Те копеечные артефакты, которые мы вытряхнули из их контейнеров, не окупили бы даже усилий, чтобы за ними нагнуться, тем более в такой день, когда мы направлялись за чертовым яйцом. Заплесневелым полубатоном копченой колбасы, полупустой аптечкой и промокшей, разваливающейся буханкой хлеба мы, естественно, тоже побрезговали.

Уровень Полигона, как по заказу, был прикрыт не полностью. За последние трое суток часть практически сплошного аномального фронта, рассекавшего его территорию почти пополам всю последнюю неделю, сместилась к северо-востоку. Половина контактных пар оказалась полностью разряжена. Нам это всё было на руку, однако имелся риск, что при таких раскладах редчайшее пересечение разнородных аномальных полей в интересующей нас точке тоже распалось.

Поскольку мы шли наугад, не уверенные даже на пятьдесят процентов, что удачное стечение обстоятельств вообще породило драгоценный артефакт, такие новости не прибавляли нам оптимизма.

Впереди раскинулся давно заброшенный животноводческий комплекс крупного фермерского хозяйства. В те времена, когда случился Первый взрыв, они назывались как-то смешно – не то кибуцы, не то клохозы. Короче, какое-то еврейское слово.

Три корпуса помещений для животных были расположены на местности гигантской буквой П. На огороженном невысоким бетонным забором хоздворе высились покосившимися бесформенными горами брошенные грузовики, проржавевшие до основания, в углу виднелся завалившийся набок трактор «Беларусь». И совсем рядом – новенькая, блестящая на солнце «Нива», словно вчера сошедшая с конвейера. Вот только такую модель не выпускали еще с прошлого века.

Мы залегли за пригорком и тщательно изучили коровники в армейский бинокль Патогеныча. Вот оно, это место. Всё сходится. Именно эту бетонную букву П запечатлел покойный сталкер, и чуть ли не с этой же самой точки. Факт. Вот электроподстанция, вот домик с бывшими офисными помещениями, вот ручей, вот огромное уродливое дерево, словно скрученное гигантскими руками.

А вот аномальное поле. Датчик будто взбесился: соглас-

но его показаниям, на территории животноводческого комплекса мухобойки налезали на птичьи карусели, трамплины сталкивались с гравитационными плешами, а над всем этим безобразием парили топки. Разумеется, так не бывает, разнородные аномалии никогда не соприкасаются друг с другом, между ними всегда остается проход. В сплошные непроходимые полосы сливаются только однотипные ловушки, и то очень редко. Теперь лишь оставалось выяснить, насколько широки эти самые проходы между аномалиями – допустим, протиснется ли в них сталкер несколько крупнее средних размеров.

Пока мы добирались до места, я в основном шел впереди. Таков сталкерский закон: если тебя взяли в долю на вылазку за богатым хабаром, будь любезен отработать. Вопросов нет. Но когда мы достигли цели, отработка закончилась. Теперь предстояла самая сложная часть миссии, поэтому мы с Патогенычем в настоящий момент были на равных. Иначе получилось бы, что он взял меня в качестве отмычки, чтобы загрести жар чужими руками; но я умею зарабатывать и менее рискованными способами.

То есть я готов и на достаточно серьезный риск, но когда работаю сам на себя, а не на постороннего дядю. Даже если этот дядя – Патогеныч.

– Ну что? – негромко спросил коллега, не отрывая взгляда от полуразрушенного коровника. – На «камень – ножницы»? – Идет.

Всем известная с детства игра: противники одновременно выкидывают вперед правые руки. Рука либо сжата в кулак – «камень», либо раскрыта – «бумага», либо вытянуты два пальца – «ножницы». Ножницы режут бумагу, бумага заворачивает камень, камень тупит ножницы. Все предельно просто.

Глупец в первом туре, скорее всего, выкинет «камень». Он наивно полагает, что «камень» – это нечто незыблемое, солидное, самая сильная позиция в игре, однозначно превосходящая и хрупкие «ножницы», и тонкую непрочную «бумагу».

Однако это иллюзия, все знаки в данной игре равны: каждый из них бьет один знак и бьется другим. Ни у одного из них нет абсолютно никакого преимущества – но даже если глупец способен постичь это умом, на подсознательном уровне он все равно будет стремиться к «камню» как к символу мощи и непоколебимости. Поэтому умный, но неопытный человек в первую очередь непременно выкинет «бумагу». Это простейшая, интуитивно понятная логическая задача – мат в один ход.

Учитывая это, умный и опытный человек в игре с глупцом или ребенком выкинет «бумагу», а в игре с умным, но неопытным – «ножницы». Мат в два хода.

Мастер игры, рассчитывая комбинацию на несколько ходов вперед, должен очень тонко и безошибочно определить степень ума, способность к анализу и опыт противника. В

игре с умным и опытным соперником он вначале непременно выкинет «камень» – но только в том случае, если убедится по косвенным признакам, что противник способен просчитать процесс игры не более чем на два хода. Для большинства людей это предел расчета многоходовки в бытовых условиях – дальше они уже начинают сбиваться и путаться, – так что мастер особо не рискует. По крайней мере, его шансы на победу оказываются куда выше, чем у противника.

В игре мастера с мастером правил на первый ход нет. На первом ходу всё решает слепая случайность. Впрочем, следует всё же иметь в виду, что вероятность выпадения «камня» в такой ситуации чуть ниже, чем двух других знаков – из тех же соображений, из каких глупец или ребенок, скорее всего, сразу же выкинет «камень»: подсознательно мастер старается не повторять эту примитивную ошибку. Однако это тоже ошибка, поскольку такое поведение от обратного другой мастер может вычислить и воспользоваться этим. Основная задача в игре с мастером – не дать ему подловить себя на какой-либо поведенческой закономерности, которую он сумеет обратить себе на пользу.

Мастера игры – тонкие психологи и порой способны предсказать до девяноста процентов символов, которые выбросит неопытный противник. В научных исследованиях такой результат наверняка признали бы экспериментально доказанным ясновидением.

Одним словом, на первом ходу мы с Патогенычем выки-

нули двое «ножниц».

Так; вот теперь другое дело. Первый ход – это как «e2 – e4» в шахматах: до него никакая разработка стратегии невозможна, а вот после – широчайшее поле комбинаций. Однако, в отличие от шахмат, длинные дебюты, розыгрыши и защиты тут неприменимы: каждый следующий ход может оказаться последним. Это суперблиц, выигрывает не тот, кто умеет кропотливо выстраивать сложные и хитроумные ловушки, а тот, кто точнее и быстрее сумеет просчитать ход мысли противника. И разумно рискнуть в соответствии со своими расчетами.

В следующем раунде я снова выбросил «ножницы», а Патогеныч – «камень».

Один – ноль.

Так. В третий раз подряд «ножницы» вряд ли выпадут, это уже будет четкая закономерность; однако есть небольшая возможность, что желающий сбить меня с толку своей непредсказуемостью Патогеныч решит выбросить именно их.

Я внимательно смотрел на противника. Нет, вряд ли; он явно понимает, что теперь я настороже. Возможность «ножниц» мизерна, поэтому я ее в расчет не принимаю. Значит, «камень» или «бумага». «Камень» или «бумага»? Если я, по его мнению, ожидаю третьих «ножниц», будет «бумага», чтобы завернуть мой «камень». Если же нет и я, коварная бес-тия, сам собираюсь выбросить «ножницы», чтобы сбить про-

тивника с толку, выпадет «камень».

Глядя прямо в непроницаемое лицо соперника, выкидываю «бумагу». У Патогеныча «камень». Ну еще бы, старый лис. Кого ты хотел обмануть?

Игра продолжается до трех побед. Мы скрипим мозгами, усиленно просчитывая варианты, пытаюсь поступать максимально непредсказуемо, но при этом ловить соперника на его собственных просчетах и не попадаться на вражеские уловки. Восхитительная работа для аналитических центров мозга, словно спаррингуешь одновременно с двумя раскачивающимися макиварами – тебе необходимо поразить одну и одновременно увернуться от второй. Здорово развивает абстрактное мышление.

Следом опять выпадает двое «ножниц», затем Патогеныч возвращает мне плюху, заворачивая мой «камень». Два – один не в мою пользу. Следом выпадают два «камня». Две «бумаги». Два «камня». Затем я сравниваю счет, затупив «ножницы» Патогеныча. Необходимо также держать в голове все ходы, всю последовательность символов, выпавших прежде, – из этого тоже можно выделить необходимые для победы закономерности в поведении соперника.

Напряжение растет, зрители на трибунах благоговейно замерли.

Двое «ножниц».

Два «камня».

Двое «ножниц».

Две «бумаги».

– Перекур? – предлагаю я.

Патогеныч мотает бородой, смотрит на меня исподлобья. Просчитывает в уме комбинации.

Своей репликой я не просто сбиваю ритм игры и отвлекаю его от анализа. С перекуром связано много вторичных ассоциаций. Папиросная бумага, картонная пачка сигарет, бумажные рекламные плакаты, клочок газеты на раскурку.

Утираю взмокший лоб, тяну время, пристально смотрю на Патогеныча. Через несколько секунд ассоциация должна прочно внедриться в подсознание противника. Знаете, как бывает, когда случайно слышишь название какой-нибудь популярной песни или группы, а через несколько минут вдруг ловишь себя на том, что намурлыкиваешь знакомый мотивчик. Начинаешь раскручивать ассоциативный ряд – и понимаешь, откуда что взялось.

Но это уже потом, на уровне сознания. Вначале подсознание послушно извлекает из своих пыльных архивов этот самый мотив и подсовывает его тебе – на, хозяин! Ты ведь про это говорил?..

Если все пойдет правильно, Патогеныч даже и не сообразит сперва, почему вдруг выкинул «бумагу». Решит, что это стало результатом его собственного хитроумного анализа.

Уверенно выбрасываю «ножницы» – и получаю в ответ такие же. Нет, дохлое дело – ловить старую опытную щуку на голый крючок. Патогеныч – это вам не Енот, которым мож-

но манипулировать как угодно. Если, конечно, хорошо знать его слабые места.

И все же надо попробовать еще раз. Двое «ножниц» в третий раз с шагом в один тур – это уже устойчивый логический ряд, а первая задача мастера в этой игре – разрушить всякую внешнюю логику своих действий, чтобы противник не сумел их просчитать. И сейчас Патогеныч наверняка постарается как раз это и сделать. Скорее всего, нужная ассоциация уже прочно угнездилась в подсознании моего коллеги, закреплённая еще и выпавшими последними «ножницами» – предметом, в реальной жизни тесно связанным с той самой бумагой.

Снова, не задумываясь, выбрасываю «ножницы» – и напарываюсь ими на «камень» Патогеныча.

О как. Ну, стало быть, я сам себя перехитрил.

– Мелковат против батки, собака, – флегматично прокомментировал коллега, засовывая руки в карманы.

– Смотри не тресни от осознания собственной значимости, – буркнул я.

Мы неторопливо спустились с холма к коровнику, как те три быка из анекдота – правда, нас было только двое, но троих мы определенно стоили. Остановились в полусотне метров от ближайшего здания, придирчиво разглядывая его шероховатые, облупившиеся от непогоды стены, покрытые причудливыми сиреневыми лишайниками. За пределами Периметра таких лишайников не попадаетеся – идеально круглых,

с губчатой поверхностью и ореолом острых зубцов по краям. Так и кажется, что вот-вот тыпнет за руку.

– Ну что? – поинтересовался Патогеныч. – По приборам пойдешь?

– Есть другие предложения? – вяло огрызнулся я.

Других предложений не последовало.

Я снял перекинутый через плечо «хопфул» и аккуратно положил его на траву. Сбросил с плеч лямки рюкзака и поставил его рядом: чем меньше будут мои габаритные размеры, тем лучше. Неизвестно, насколько узки щели между аномалиями, через которые мне придется пролезать. Отдал Патогенычу все имевшиеся у меня датчики и свой ПДА: еще не хватало, чтобы они притянули блуждающий разряд, когда я стану протискиваться вплотную к мухобойкам. Из оружия оставил себе только штык-нож в ножнах из диэлектрика.

– Хорошей работы, бродяга, – напутствовал меня Патогеныч, заняв такую позицию, чтобы было удобнее фиксировать по датчикам аномальные поля, окружающие коровник.

Это и называется «идти по приборам»: ведомый в особо опасном месте движется предельно осторожно, полагаясь только на свои органы чувств, стараясь увидеть, услышать и ощутить в окружающем пространстве затаившуюся опасность. Потому что продвигаться, глядя одновременно на датчики и по сторонам, не самая лучшая идея – непременно что-нибудь упустишь, не там, так здесь.

Чтобы не случилось такой беды, ведущий внимательно

следит за световой меткой приятеля, движущейся по экрану датчика аномалий, и подает ведомому команды голосом – куда сместиться, где притормозить, куда свернуть. Ведомый же полностью раскрывается навстречу Зоне и корректирует передаваемые ведущим данные в соответствии с собственными ощущениями.

Естественно, с обычным новичком-отмычкой такой номер не пройдет: опыта у него с собачий хрен, поэтому на свое чутье он полагаться не может и должен строго выполнять все команды ведущего. Чтобы уметь уверенно и относительно безопасно идти по приборам, ведомый должен топтать Зону как минимум года два. Про ведущего уже и не говорю.

Я медленно двинулся к полуразрушенному строению, делая короткие, едва заметные шажки. Шаг. Шаг. Шаг. Полоса выгоревшей, пожелтевшей травы справа, четко выделяющаяся на фоне буро-зеленого, напитанного дождевой влагой дерна. Пустяки, далеко; и Патогеныч молчит.

На десять часов потрескивает маленькая мухобойка, покусывая крошечными фиолетовыми молниями раскачивающуюся на ветру травинку, покрытую каплями росы. Мухобойки – странное название для электрических аномалий; на самом деле когда-то так называли нынче уже начисто исчезнувшие ловушки, которые мгновенно прихлопывали неосторожного, как муху. Почему их название перешло к этим полусферам-молниям, появившимся чуть позже, – черт его знает.

Бродяги из «Небес» называют их «электро», «честные» — «розетками», «вольные» — «батареями». Тоже не бог весть что.

Шаг. Шаг. В широком дверном проеме покачиваются на сквозняке длинные спутанные сосульки ржавых волос, напоминающие бороду циклопа: значит, при входе придется поклониться Хозяевам Зоны, чтобы не обжечь голову, и при этом следует внимательно смотреть под ноги, чтобы не наступить на оторвавшиеся и упавшие вниз куски рыжих сосуллек. Ботинки совсем новые, будет обидно. До вечера разъест насквозь.

Шаг. Шаг. Шаг. Слева проплывает внушительный круг сплюсненной и вмятой в грунт травы, и рядом, рукой достать, — щедрая россыпь «волчьих слез». Разумеется, я за ними не нагибаюсь. Один из главных сталкерских законов: когда идешь на крупное дело, не отвлекайся на пустяки, не разменивайся по мелочам, не жадничай — целее будешь. Черный Сталкер жадных не любит.

Шаг. Шаг. По моим прикидкам, я уже двигался через невидимые аномальные поля, однако Патогеныч по-прежнему молчал. Я даже собирался окликнуть его — не уснул ли, — когда он наконец подал голос:

— Лево три. Карусель.

Я послушно принял правее, хотя и не различил слева никаких признаков птичьей карусели. Но вряд ли Патогеныч просто решил испытать мою покладистость.

– Два-двенадцать, – донесся до меня голос Патогеныча. – Круги. Три-девять. Ждем.

Повинуясь командам ведущего, я отвернул от входа в коровник, хотя до него оставалось всего метра три, казалось бы, совершенно чистого пространства.

– Переворот, – продолжал командовать Патогеныч, используя терминологию, принятую в нашем клане для того, чтобы обозначать малейшие повороты и движения на пересеченной местности. – Одиннадцать. Ждем. Право пять. Трамплин. Право два. Стоп! Куда прешь, собака! Восемь, право два!..

В результате я крошечными шажками описал внушительную дугу перед входом, обогнув потрескивающую от утренней сырости мухобойку и еще что-то невидимое – по-видимому, еще одну птичью карусель, потому что на свободном пятачке пространства у стены валялись какие-то неопрятные комки, похожие на разорванный в клочья трупик вороны. Затем снова свернул к воротам коровника.

Со стороны мой безумный маршрут, наверное, выглядел трассой слалома. Но тут уж ничего не поделаешь. Хорошо, если в сплошном аномальном поле вообще есть проход внутрь, иначе нам придется возвращаться ни с чем.

Патогеныч продолжал вести меня невидимым коридором между смертельно опасных ловушек. Я протиснулся вплотную к дремлющей птичьей карусели, ощутив на лице ее ласковое дыхание. В затылке у меня пульсировала ледяная игла,

покалывало кончики пальцев, волосы на загривке стояли дыбом, в глаза словно насыпали сухого песка – организм чутко реагировал на слишком близкое присутствие разнородных аномалий.

Один я бы тут вряд ли прошел. Сейчас любой шаг в сторону, любое неправильное движение могли стать для меня последними. Я был сосредоточен, собран и внимателен. Я внимательно прислушивался к собственным ощущениям, стараясь не пропустить ни малейшего шороха, ни малейшего изменения в окружающем пространстве.

– Право семь. Ждем, – деловито командовал Патогеныч. – Ждем. Трамплин. Два-десять. Круги. Лево восемь...

Я уже начал выполнять его последнюю команду, но замер как вкопанный, сделав лишь полшажка. Даже не поставил ногу на землю.

– Лево восемь, – повторил Патогеныч на всякий случай, хотя уже понял, что я торможу не просто так.

Я очень медленно, аккуратно опустил ногу. Ничего страшного не случилось. Я напряженно вглядывался в участок земли прямо перед собой, поросший высокой, уродливо искривленной тимофеевкой. Он совершенно ничем не отличался от соседних. Не обнаружив ничего примечательного, я начал вертеть головой по сторонам, пытаюсь обнаружить близкую контактную пару или какой-либо признак наличия другой аномалии. Безрезультатно.

Однако откуда же такое жуткое, почти физиологическое

нежелание идти вперед? Вправо – пожалуйста. Влево... нет, влево не пойду, там мощный гравиконцентрат: подтащит к себе и расплющит об землю, пискнуть не успеешь. Назад – тоже нежелательно: нельзя сталкеру возвращаться тем же путем, каким пришел, почти наверняка гробанешься. Короче, иди вперед и не парься...

Нет, не могу.

Я достал из нагрудного кармана болт и кинул его перед собой. Болт торчком воткнулся в мокрую глину. Да нет, конечно, не гравиконцентрат, даже не жадинка – просто сырая глина. Вот он, собака, и воткнулся...

– Там точно ничего нет? – придушенным голосом спросил я.

– Чисто на три метра, – уверенно отозвался ПатоGENCY. – Что, брат, плющит?

Старый ветеран лучше, чем кто-либо, понимал, что сталкерским предчувствием пренебрегать никак нельзя. Может, подсознание просто шалит, а может, действительно уберегает от вполне реальных опасностей, которые иначе никак не определишь.

– И колбасит, – сдавленно отозвался я.

– Девять-двенадцать, – тут же без колебаний проложил новый маршрут ПатоGENCY.

Я двинулся вправо, проклиная свою интуицию. Если бы не она, я бы уже через десяток шажков оказался у ворот фермы.

А может быть, валялся бы сейчас на этом самом месте, насквозь пробитый мощным электрическим разрядом. Нет, ну его к монахам, лучше потихонечку, кружным путем, но вернее.

Когда-то сталкерские кланы пытались использовать в Зоне специальных саперных роботов – такие дистанционно управляемые игрушки с большим успехом разминируют неразорвавшиеся боеприпасы в горячих точках и мины террористов. Но эта мода быстро прошла, когда несколько возмутительно дорогих роботов были потеряны на ровном месте.

Находящийся на безопасном расстоянии оператор через специальную камеру и телеметрические датчики видит то же, что и машина, но слишком много параметров остается для него за кадром – внезапное дуновение горячего ветра, странное ощущение покалывания в кончиках пальцев, вонзающаяся в затылок ледяная игла, тончайшее сталкерское предчувствие, которое не распространяется на железяку, набитую электроникой.

Я блуждал в лабиринте аномалий еще минут пять, пока наконец новая безопасная трасса не вывела меня прямо к распахнутым настежь воротам коровника. Осторожно заглянув внутрь, я внимательно осмотрел помещение, машинально отметив, что неподалеку от входа на правой стене сидит плотоядный гриб-невидимка.

Коровник напоминал длинный ангар или пустой склад,

поделенный деревянными и металлическими барьерами на ряды загонов для животных. Кормушки в стойлах давно проржавели до основания, силос в них превратился в бугристую каменную массу. По помещению лениво разгуливал ветер, проникавший через выбитые окна, прохудившуюся крышу и внушительный пролом в стене.

Внутри было достаточно светло, чтобы я сумел разглядеть несколько гравиконцентратных плешей, стянувших к себе и впечатавших в бетонный пол остатки прелой соломы. Ближние загородки были заметно выгнуты в их сторону.

Ну вот. Четверть дела сделана.

Интересующее нас сочетание аномальных полей располагалось в дальнем конце коровника. Ничего не поделаешь. Если ценный артефакт имеет хоть малейшую возможность оказаться в наиболее неудобном и опасном месте, то именно там он и окажется, будьте уверены. Я даже не стал расстраиваться по этому поводу, потому что с самого начала знал, что так все и будет.

У самого входа мне пришлось исполнить почти цирковой трюк. Дверной проем перегородили небольшой гравиконцентрат и мухобойка, между которыми остался проход сантиметров в тридцать шириной. Патогеныч вывел меня на стартовую позицию, я обозначил границы аномалий болтами, а затем боком, втянув живот, малюсенькими приставными шажками двинулся между ними.

Положение еще усугублялось длинными космами ржавых

волос, спускавшихся с притолоки: мне пришлось чуть пригнуться, чтобы не зацепить их головой. Мухобойка заискрилась за моей спиной, когда я протиснулся в опасной близости от нее, но для полного разряда я, видимо, приблизился недостаточно.

До дальнего конца помещения я добрался минут за двадцать, хотя расстояния там было всего шагов сорок. Мне приходилось подолгу кружить на одном месте, повинуюсь командам Патогеныча, перелезать через барьеры, протискиваться в узкие щели между смертельно опасными участками. В одном месте я даже преодолел пару метров на руках, цепляясь за низко нависающую потолочную балку и поджимая ноги – понизу могла ударить струей пламени горизонтально ориентированная топка.

В дальнем углу обнаружился ссохшийся, почти мумифицированный труп свиномрази, перед которым лежала куча здоровенных, дочиста обглоданных костей – я так думаю, коровьих, потому что кости крупных мутантов имеют куда более причудливую форму. Одна кость торчала из сморщенного ротика свиномрази.

Не знаю, эвакуировали ли отсюда животных после первой аварии. Вряд ли – транспорта едва хватало, чтобы вывезти людей. Значит, несчастные коровы остались здесь. Едва ли их разлагающиеся туши валялись до Второго взрыва, чтобы стать добычей мутантов, все-таки с тех пор до него прошло двадцать лет, а до настоящего момента все сорок – так что

они еще в прошлом веке достались бродячим собакам. А еще скорее, их убрали после первой аварии спецотряды ликвидаторов, соорудив неподалеку от заброшенного животноводческого комплекса крупный скотомогильник, который четыре десятка лет спустя раскопали и разорили дохлые собаки – вот откуда тут эти кости.

Для свиномрази коровник стал смертельной ловушкой. Голыми твердыми костями сыт не будешь. Она наверняка попала сюда во время очередного выхлопа – может быть, случайно, а может быть, пыталась укрыться. Я не знаю, прячутся ли мутанты от выхлопов, как люди, или для них это как легкий летний дождик. Боюсь, никто этого не знает. По крайней мере, вылезти наружу во время этого локального катаклизма и посмотреть дураков не находится, а те, что все-таки осмеливаются вылезти, больше никогда никому и ничего не расскажут. В любом случае после выхлопа аномалии поменяли свое расположение, на чистых прежде местах возникли новые ловушки – и свиномразь оказалась заперта в этом проклятом коровнике.

Свиномрази – очень чуткие и осторожные твари, в отличие от собак, они крайне редко попадают в аномалии, и если эта не учуяла обратного прохода в почти сплошном аномальном поле, значит, его для нее и не было. Там, где вплотную к смертоносным аномалиям бочком протиснулся я, не смогла бы пройти свиномразь, вдвое превосходившая меня по ширине. Тварь долго ждала, когда проход откроется, пока

наконец не сдохла с голоду, потому что ничего, кроме дочиста обглоданных псами костей, тут не было.

Я осторожно покрутил головой. Вот оно. Две большие мухобойки, сросшиеся боками, их видно даже невооруженным глазом. Сбоку лениво крутит пыльную спираль птичья карусель. Чуть дальше – трамплин, ближе ко мне – гравиконцентр средних размеров. Все это сосредоточено на крошечном пятачке пространства, все это многоголовой гидрой дышит, пульсирует и ждет идиота, который подойдет поближе. И генерирует уникальное аномальное поле, способное породить драгоценный артефакт.

– Прибыли на место! – донесся снаружи вопль Патогеныча, подтверждая мои догадки.

Я задрал голову и, прищурившись, стал внимательно изучать крышу и потолочные балки. Чертово яйцо имеет отрицательный вес, поэтому искать его следует под крышами полуразрушенных зданий, под потолками подвалов, в плотных кронах деревьев, которые мешают ему взмыть в небо. Наверное, именно этим и объясняется крайняя редкость чертовых яиц: большая их часть после возникновения просто падает вверх и навсегда исчезает в космическом пространстве.

Нет, ничего не видно.

Впрочем, с этого места я мог наблюдать только часть перечеркнутой диагональными балками крыши. Я сообщил напарнику, что мне нужно покрутиться по территории, сделал еще несколько шагов, повинувшись доносившимся через окно

командам невидимого Патогеныча: «Угол семь, ждем, право три, четыре-двенадцать!», и приблизился к трупку свиномрази, придирчиво изучая волнистую шиферную поверхность у себя над головой.

После чего правый глаз мертвого мутанта, казалось навсегда выпученный в предсмертной агонии, рывками провернулся и уставился на меня.

Глава 2

Свиномразь

– Мурлинап, – сварливо поведала мне свиномразь, пожевывая старческим ротиком коровью кость каменной твердости.

– И тебе того же, подруга, – негромко проговорил я, медленно отстегивая тонкий кожаный ремешок, который удерживал штык-нож от случайного выпадения из ножен.

Вот оно, значит, как. Бока у свиномрази были впалыми, как у мумии, и вся она выглядела как обтянутый сухой блестящей пленкой кожи собственный скелет – но с чего я взял, что она мертва? Голодна как черт – это наверняка. Мутанты Зоны – крайне живучие создания, а если их непросто убить пулей, отчего я решил, что их легко уморить голодом? Сколько она без пищи – две недели? Три? Когда там у нас был последний выхлоп? Такое даже человек способен пережить.

Солить твою капусту! Свиномразь труслива, и парой выстрелов я вполне мог бы заставить ее забиться в дальний угол коровника и не высовываться ближайшие четверть часа. Вот только стрелять мне не из чего, разве что из пальца, как тому страусу. А штык-нож против свиномрази – оружие несерьезное: ее передние зазубренные конечности, которыми она

атакует противника, словно взбесившийся богомол, раза в полтора длиннее, чем моя рука с ножом. Нет шансов.

– Сталкер, почему встал? – донеслось снаружи. – Проблемы? Лево пять!

– Проблемы, брат, – негромко отозвался я. – Очень серьезные.

Свиномразь мигом отреагировала на дополнительный раздражитель, заскребла острыми костяными копытами в своем углу, пытаясь встать на ноги. Получилось у нее это, к моему неудовольствию, довольно резво. Похоже, надежду на то, что тварь ослаблена длительной голодовкой, можно было похоронить сразу.

– А? – крикнул Патогеныч. – Чего сказал?..

Мать твою. Если я гаркну во все горло, эта дрянь сразу на меня кинется. К счастью, Патогеныч оказался сообразительным парнем и сменил датчик, потому что тут же заорал:

– Хемуль, у тебя мутант прямо по курсу!

Ай, спасибо, дорогой товарищ. Прямо спас.

Свиномразь стояла напротив меня, пружиняще покачиваясь на зазубренных конечностях, несинхронно вращая выпученными глазами разного размера и бормоча неразборчивую чепуху. Со стороны могло показаться, что это неуклюжее причудливое создание, похожее на кошмарную помесь краба, медведя и свиньи, вовсе не собирается нападать. Однако на самом деле тварь просто сосредоточенно оценивала, годится ли этот двуногий верзила в пищу или лучше оста-

вить его в покое.

И я не сомневался, каковы будут результаты оценки: свиномразь сейчас атаковала бы и матерого циклопа – потому что слишком долго обходиться без пищи все-таки не могла, и инстинкт самосохранения гнал ее в самоубийственную атаку.

Пятиться было нельзя – кругом сплошной стеной стояли аномалии. Поворачиваться спиной к умирающему от голода мутанту – нельзя. Атаковать свиномразь с одним только штык-ножом – нельзя. Вот что хочешь, то и делай. Смотри, сколько возможностей.

– Проблемэбрат, – попугайски пробормотала тварь своим старушечьим голосом, лукаво зыряка на меня одним глазом и медленно, очень медленно, на кончиках острых хитиновых копыт подбираясь все ближе. – Очуень сераёзна.

Тупая тварь, но сейчас она была прискорбно права.

Я крест-накрест махнул перед ней ножом, пытаюсь отогнать, но свиномразь ножа не испугалась. Она замерла в паре метров от меня, покачиваясь на крабьих ногах, как на хороших рессорах, ее бугристые впалые бока тяжело вздымались и опадали, зловещая пародия на человеческое лицо, служившая ей мордой, беспрерывно кривилась и дергалась, словно у сумасшедшего.

Тварь безумно хотела жрать, и ей было наплевать на нож. Ей не терпелось приступить к завтраку.

– Пошла вон! – Я постарался напугать ее громким окри-

ком, но добился противоположного результата.

— Мастабарру! — внезапно взвизгнула свиномразь, разом взмахивая зазубренными косами передних ног и подаваясь вперед.

Мне удалось уклониться от страшного удара, молниеносно развернувшись боком. Одна из хитиновых кос просвистела в нескольких сантиметрах от моего живота. Поняв, что промахивается, тварь мгновенно скорректировала направление движения своей лапы, чуть согнув локтевое суставное сочленение, и то с размаху садануло меня в низ живота.

Крайне удачно садануло, надо сказать: еще бы на три пальца ниже, и мой драгоценный маленький сталкер очень серьезно пострадал бы. Впрочем, дух из меня все равно вышибло конкретно — напрячь пресс я, разумеется, не успел.

Отлетев к загородке, пару секунд я хватал ртом воздух в бесплодных попытках вдохнуть, и тут меня, пожалуй, и можно было брать тепленьким. Однако по инерции пролетевшая мимо тварь не смогла достаточно оперативно развернуться, чтобы полоснуть меня поперек груди своими ужасными пилами или вонзить мне в грудь заостренные копыта. Нас по-прежнему почти вплотную окружали смертоносные аномалии, а занос у свиномрази сопоставим с заносом легкового автомобиля.

Пока она, сосредоточенно поскуливая, отползала задом, чтобы сделать разворот на чистом месте, я уже перевел дух и быстро проскользнул мимо нее в угол, где она совсем недав-

но лежала бездыханной грудой костей, обтянутых кожей. Ловушек там не было наверняка, раз свиномразь ничего не учуяла и не угодила ни в одну из них.

С грехом пополам развернувшись посреди коровника, бесшестеренный мутант без какой-либо паузы снова бросился на меня – нетерпеливо сопя, издавая бессвязные вопли, мелко топая по цементному полу острыми конечностями. Приблизившись к расстоянию удара, тварь снова резво вскинула свои зазубренные сабли.

Поднырнув под левую лапу чудовища, со свистом рассекающую воздух, и задыхаясь от жуткой трупной вони, которое источало покрытое радиоактивными язвами тело твари, я выбросил вперед руку с ножом, пытаясь достать соперника в глаз, но хитрая свиномразь тут же прыгнула назад. Чудом спасенный глаз в два приема, словно хамелеон, повернулся и изучающее уставился на меня.

– Двурфсед! – уважительно оценила свиномразь мою отчаянную попытку и тут же повторила свою.

Два молниеносных удара с двух сторон мне удалось отбить штык-ножом, при этом мой четвероногий противник атаковал с такой яростью, что едва не выбил у меня из рук единственное оружие.

– Хрена, сука! – рявкнул я прямо в бессмысленно вращающиеся глаза монстра, крепче стиснув рукоять ножа и описывая лезвием в воздухе восьмерки перед собой. – Ну, попробуй, возьми!

Тварь начала непрерывно наскакивать на меня, словно взбесившаяся сноповязалка, молотя по воздуху смертоносными суставчатыми конечностями. Пару раз ей удалось чиркнуть мне бородавчатой хитиновой шкурой по костяшкам пальцев, сжимавших штык-нож, и рассечь их до крови, но это лишь вызвало у меня новый приступ ярости, придав сил.

Мы бешено плясали на крошечном пяточке пространства в дальнем конце коровника. Я с трудом уворачивался от ее длинных лап, тут же переходил в контратаку, пытаюсь достать ножом в морду или мягкое брюхо, и мгновенно отскакивал, когда тварь снова широко взмахивала своими зазубренными оглоблями. Пару раз мы с ней входили в клинч, и тогда я, навалившись всем телом, отчаянно пробовал выпихнуть ее за пределы безопасного пяточка в одну из окружающих нас аномалий, однако свиномразь упиралась отчаянно, что твой осел.

Мутировавшая скотина, почуяв запах крови, бросалась на меня с разных сторон, твердо решив довести начатое дело до конца. Я по мере возможности старался пропускать ее мимо себя, словно тореадор – вбок тварь била неуклюже и слабо. Тот подлый удар в низ живота, который я получил в начале схватки, пожалуй, был самым сильным из таких ударов. Кроме того, острые зазубрины на ее ногах были обращены внутрь, так что удары вбок она наносила гладкими внешними сторонами копыт и суставными сочленениями: строение

суставов просто не позволяло ей в таких случаях развернуть смертоносные пилы в мою сторону. Костяными пилами она разделывала добычу, а не защищалась.

В какой-то момент, в очередной раз пролетев мимо, тварь на мгновение замешкалась, прежде чем развернуться мордой ко мне – видимо, уже начала выдыхаться. Многонедельное голодание все же давало о себе знать.

Я тут же выпустил штык-нож и обеими руками ухватил ее сзади за взметнувшиеся передние конечности чуть ниже заостренных копыт, заламывая их назад. Я не был уверен, сумею ли таким образом обездвижить тварь или отломать ей ногу, но попробовать определенно стоило – вариантов-то у меня было не так много. Разумеется, я вряд ли рискнул бы проделать такой трюк с полной сил и бодрой свиномразью, но в борьбе с ослабевшей от голода мумией шансы у меня определенно имелись.

Хитиновая скотина возмущенно взвизгнула, почувствовав, что попала в захват. Я сразу пожалел о своем маневре: острые и шероховатые выступы на панцире, покрывавшем конечности мутанта, впились мне в ладони с коварством рыболовных крючьев, рассекая кожу до мяса.

Свинья-мутант тут же принялась беспорядочно лягаться короткими задними ногами, но от их ударов уворачиваться оказалось гораздо легче, чем от передних, потому что на затылке глаз у твари не было. Мне удалось придержать свиномразь на месте и даже вывернуть ее суставчатые передние

ноги так, чтобы что-то треснуло у их основания, однако дальше терпеть режущую боль в ладонях я не мог и разжал руки.

Неистово рвавшаяся и тянувшая в противоположную сторону тварь от своего слишком резкого рывка кубарем полетела вперед и всем телом с размаху впечаталась в деревянную перегородку стояла напротив, отчего тяжело содрогнулась и закрипела вся секция.

И тут же я услышал, как где-то наверху коротко и пронзительно дзенькнуло – словно кто-то резко ударил металлическим прутom по полотну двуручной пилы.

Звук был до боли мне знаком, хотя я и не слышал его уже несколько лет. Можно было считать, что чертово яйцо успешно обнаружено.

Трудно сказать, что именно представляет собой эта загадочная штука – смертоносный артефакт или компактную блуждающую аномалию. Я, по крайней мере, не возьмусь. Попадается она крайне редко, и всегда на границах максимального напряжения аномального поля разнородных ловушек Зоны. Размерами и формой она отдаленно смахивает на куриное яйцо, вот только имеет антрацитово-черный цвет и поблескивает на свету. И время от времени издает странный звенящий звук, певучий, но до того зловещий, что сердце в груди замирает от ужаса и непередаваемой тоски.

Чертовы яйца стоят чертову прорву денег, и некоторые бродяги целенаправленно за ними охотятся. Однако это очень опасный трюк: от прикосновения к таким артефак-

там-аномалиям смерть наступает мгновенно, и никто не знает, что тому причиной – внезапный и резкий термический удар, органическое отравление, мгновенный и мощный электрический разряд, точечное радиоактивное облучение невероятной силы... Потому что трупа для медицинских исследований не остается: в течение нескольких последующих минут он стремительно обугливается без видимых причин и рассыпается грудой головешек, сохраняя при этом температуру человеческого тела.

А самое главное, что порой чертово яйцо пробивает своим неведомым смертоносным разрядом даже стенку специального герметичного контейнера для артефактов. Так что брать и транспортировать его надо умеючи и крайне аккуратно. Для этого умными людьми разработана целая система действий.

И мало того что эта штука крайне смертоносна, она еще и предельно коварна. В присутствии живых организмов ведет себя совершенно непредсказуемо, словно шаровая молния. Хотя вроде бы нет оснований подозревать живое существо в ней самой. Впрочем, бес его знает...

Потревоженное свиномразью чертово яйцо, которое все это время, как выяснилось, мирно сидело под крышей, прячась за застрехой, скатилось по наклонной потолочной балке плавно и медленно, словно воздушный шарик.

Точнее, нет: скатилось – это я так для простоты сказал. На самом деле оно перемещалось под балкой, мешавшей

ему взмыть обратно к потолку, время от времени стучаясь о нее верхней частью и издавая неприятный звон. Левый глаз свиномрази, провернувшись в два приема, настороженно уставился на поблескивающую черную смерть, неторопливо спускавшуюся к нам: тварь явно уже была знакома с подобной дрянью либо просто обостренными инстинктами мутанта почувствовала таящуюся в ней опасность.

– Кизлода, – беспокойно пробормотала свиномразь, вжавшись в деревянную перегородку стойла и одним глазом глядя на меня, а другим – на чертово яйцо. Она пыталась отползти еще, но лишь беспомощно заскребла по полу копытными копытами – дальше ее не пускала перегородка. – Бестармиуф. Праблемибрат, глырбеглиау.

– Я не шевелюсь, не шевелюсь, – тихонько заверил я ее. – Сам вижу, не дурак.

Чертово яйцо докатилось до края балки, вынырнуло из-под нее и медленно, словно в невесомости, поплыло по воздуху в нашу сторону.

– Очуинь сурнаёздна! – заволновалась мутировавшая тварь.

Смертоносный артефакт преодолел половину расстояния до нас и задумчиво повис в воздухе, словно решая, с кого начать. Шевелиться сейчас было ни в коем случае нельзя: яйцо реагировало на малейшее движение. Мы со свиномразью окаменели, словно памятники самим себе. В результате чертову яйцу, похоже, оказалось не за что зацепиться в окружа-

ющем пространстве, оно не ощущало ни малейшего движения воздуха, поэтому отрицательная гравитация понемногу начала снова сносить его к застрехе.

На этом наше со свиномразью везение на сегодня иссякло, потому что, воспарив вверх, чертово яйцо качнулось в сторону, словно от резкого порыва сквозняка, и с пронзительным звоном натолкнулось на верхнюю перекладину загородки. Оно тут же приклеилось снизу к деревянному поперечному брусу и покатилося вдоль него, вихляя и то и дело задирая один конец, словно имело смещенный центр тяжести.

Докатившись до одной из вертикальных металлических стоек, на которых крепилась загородка, артефакт-аномалия описал вокруг нее задумчивую петлю и опять замер, угрожающе покачиваясь.

Прищурившись, я оценивающе посмотрел на чертово яйцо. Перевел взгляд на подрагивавшую у загородки свиномразь. Проклятая тварь совершенно перекрыла мне путь к отступлению. Если бы ее здесь не было, дело вообще оказалось бы в шляпе: аккуратно снять с пояса контейнер, осторожно подвести его под артефакт и поймать чертово яйцо контейнером, не касаясь руками. Это самый опасный момент охоты: тут как раз и может шарахнуть.

Если все обошлось, контейнер все равно нельзя выносить из Зоны на пояс и даже в руках, это очень опасно; необходимы две длинные палки со сложной конструкцией из кожаных ремней на концах, при помощи которых следует... впро-

чем, вопросы транспортировки – дело десятое, сначала надо забрать яйцо так, чтобы не шарахнуло, и вынести его из коровника.

Однако свиномразь не позволит мне этого сделать. Едва ощутив, что помещенный в контейнер смертоносный артефакт больше не способен причинить ей вреда, она снова атакует меня, и тогда мне рано или поздно конец. В рукопашной схватке с мутантом, причем даже без ножа, мне не устоять.

Ладно. Кто не рискует, тот не пьет тормозной жидкости.

Я резко присел и ладонью, порезанной о панцирь свиномрази, на ощупь обхватил рукоять валявшегося у меня под ногами штык-ножа, поморщившись от боли. Чертово яйцо колыхнулось, мигом отреагировав на мое движение, и неторопливо заскользило ко мне вдоль поперечного бруса загородки, негромко позвякивая. Мутировавшая тварь забеспокоилась в своем углу, вразнобой вращая выпученными глазами.

– Проблемибрат! – жалобно проблеяла она.

Докатившись до следующей стойки, возле которой стоял я, чертово яйцо снова остановилось. Затаив дыхание, я медленно, буквально по миллиметру потянулся к нему ножом. Важно было не вспугнуть чувствительную и смертельно опасную штуковину, колыхавшуюся рядом со мной: в ней заключалось мое единственное спасение.

Что касается того, что для осуществления своего плана мне необходимо было к ней прикоснуться, то я рассудил, что

через металлическое лезвие и рукоять из токонепроводящего материала шарахнуть меня не должно. Впрочем, гарантий этому по-прежнему не мог дать никто, иначе все охотники за чертовыми яйцами брали бы их через два слоя разнородных изолирующих материалов и проблем не знали.

Я едва-едва дотянулся до антрацитово поблескивавшего яйца кончиком штык-ножа и тихонько толкнул. Был риск, что оно просто покатится под горизонтальным брусом прочь от меня, но нет – эта штука была слишком чувствительной к малейшим колебаниям воздуха и, пару раз ударившись о вертикальную стойку, сделала в воздухе изящную петлю, возвращаясь ко мне. Что, собственно, и требовалось.

Черная смерть приближалось, время от времени издавая тонкий певучий звон. Я напряженно ждал, плашмя выставив перед собой нож. Промажнуться было никак нельзя. Второй попытки у меня не будет.

Свиномразь заскребла ногами по полу в своем углу, изо всех сил вжимаясь в перегородку – видимо, она решила, что я совсем с приветом и собрался красиво покончить с собой. Однако у меня были немного другие планы. Подпустив судорожно раскачивавшийся, рывками приближавшийся смертельный артефакт к себе на полметра, я взмахнул штык-ножом, словно ракеткой для пинг-понга, и плашмя ударил чертово яйцо лезвием, резким движением отправив маленькую черную смерть в направлении аж присевшей от такой подлости свиномрази.

План был неплохой, однако успехом он не увенчался. Слишком непредсказуемой оказалась траектория пущенного моей рукой артефакта из-за его отрицательной гравитации и смещенного центра тяжести.

Яйцо крутило и мотало, словно попавшую в ураган пушинку. Описывая в воздухе сложные фигуры, оно по синусоиде пронеслось над бесформенной головой свиномрази, мигом приникшей к полу, словно боец под пулеметным огнем, – и тут же, не давая твари опомниться, я бросился на нее, выставив вперед штык-нож: раз уж не удалось поразить ее смертельным артефактом, надо успеть причинить ей максимальный ущерб, пока она не пришла в себя и снова не атаковала меня. Яростно выкрикнув какую-то чушь, свиномразь стремительно вскочила на ноги и отразила лезвие ножа мощным ударом костяной передней конечности, отбив мне правое запястье до полного онемения.

Между тем яйцо врезалось в противоположную стену коровника, обрушив солидный пласт отслоившейся от сырости штукатурки, отскочило, издав мелодичный звон, и снова устремилось в нашу сторону.

Оппаньки! Теперь мне следовало одновременно уворачиваться и от свиномрази, и от летящего прямо в лицо яйца. Задача из пространственной тригонометрии получилась на загляденье, почище, чем с «камнем, ножницами и бумагой»: мгновенно вычислить траектории двух смертельно опасных объектов – живого и мертвого, после чего увернуться от каж-

дого из них таким образом, чтобы не натолкнуться на другой и не угодить в аномалию за спиной.

Свиномразь не могла видеть возвращающуюся к нам по-сверкивающую черную смерть, однако она загривом почувствовала страшную опасность и снова попыталась вжаться в угол. Но я не позволил ей этого, в очередной раз бросившись на нее с ножом.

В отличие от твари я прекрасно видел, по какой траектории возвращается яйцо, и способен был от него уклониться. Поэтому я не собирался упускать такую возможность. Я должен был либо заставить тварь коснуться смертоносного артефакта, либо выколоть ей глаз, а еще лучше – протолкнуть лезвие через глазницу в мозг.

Сдаваться я не собирался, еще чего. Перетопчется.

Свиномразь отмахнулась от меня передними ногами, едва не зацепив плавно плывущее по воздуху чертово яйцо. От нашей возни его траектория стала совершенно хаотичной – яйцо чутко реагировало на все движения и перемещения.

Пару раз с трудом увернувшись от псевдоплоти, я вновь дотянулся до него ножом и с ускорением послал в сторону противника – и вновь оно бешено завертелось вокруг своей оси, выделявая непредсказуемые петли и кульбиты. Нет, метательный снаряд из него определенно получился как из дерьма пуля, однако оно по крайней мере позволяло мне успешно отвлекать внимание твари от своей драгоценной персоны.

Ситуация резко изменилась в мою пользу: теперь я обстреливал тварь смертельно опасным артефактом, отскакивавшим от стен и поперечных брусьев загородки, словно теннисный мяч, а свиномразь судорожно защищалась, стараясь не коснуться яйца и одновременно уворачиваясь от моего штык-ножа. Преимущество теперь было на моей стороне, потому что у меня в руках был предмет, не являвшийся частью моего тела, а у твари такого предмета не было, и любое прикосновение к чертову яйцу стало бы для нее смертельным. Да даже если бы и был, она все равно не смогла бы удержать его в заостренном копыте.

В момент очередной теннисной подачи зацепив беглым взглядом свой штык-нож, я вдруг обнаружил неприятное. Очень неприятное. Вся поверхность лезвия была испещрена черными пятнами размером с чертово яйцо – надо полагать, в тех местах, где с ней соприкасался загадочный артефакт-аномалия.

Плашмя выставив нож против света, я с досадой обнаружил, что металл внутри этих пятен истончился настолько, что еще немного – и сквозь них вполне можно будет разглядывать солнечное затмение. Похоже, черное яйцо пожирало мое единственное оружие с энтузиазмом ржавых волос.

Ситуация снова перестала внушать оптимизм.

Ножа хватило еще на пару подач. А затем, в очередной раз приняв на лезвие отразившийся от противоположной стены угольно-черный артефакт, я вдруг услышал зловещий

щелчок лопнувшего металла, который оказался разъеден настолько, что не смог выдержать очередного несильного удара. Сорвавшись с треснувшего лезвия, яйцо заплесало в воздухе прямо перед моим лицом, и я внезапно ощутил распространяемый им резкий креозотный запах.

Смерть с любопытством заглянула мне в глаза. Я присоск к полу, оторопело глядя на звонко поющий сгусток черноты, кувыркающийся в сорока сантиметрах от моей головы, словно вражеская лимонка, на крошечный предмет, малейшее прикосновение к которому убивало все живое вернее, чем цианистый калий.

Мне показалось, что весь мир вдруг ошарашенно присел, ожидая, чем закончится это мгновение, в которое я влип, словно муха в мед, которое все длилось и длилось без малейшей надежды на завершение.

Однако так мне лишь показалось, потому что кое-кто в абсолютно замершем мире продолжал активно действовать. Свиномразь обрушилась на меня всем телом, словно элитный борец сумо, и мощным толчком бугристой головы сбילה с ног. Мое счастье, что предварительно она не рубанула наотмашь длинной передней конечностью с острыми зазубринами и не ткнула острым копытом, видимо, побоявшись при замахе зацепить вертевшееся на высоте полутора метров чертово яйцо.

Мы вместе с мутантом ввалились в одно из стойл напротив входа и рухнули на грязный пол, обхватив друг друга,

словно пылкие любовники. Выбитая из моей ладони рукоять штык-ножа весело поскакала в угол, лишив меня последней возможности безопасно прикоснуться к чертову яйцу.

Категорически неплохо день начинается, как говорит в подобных случаях один страус.

Вжатый громоздким воняющим телом мутанта в перевешивающую солому, я не мог пошевелить даже рукой. Ощущение было такое, будто на меня обрушилась разлагающаяся коровья туша. Бессмысленная морда чудовища маячила перед моим лицом, хамелеоньи глаза судорожно вращались в разные стороны, щель сморщенного рта по-жабьи раздвигалась, демонстрируя мелкие темные зубы под верхней губой.

Изогнувшись, я попытался сбросить противника, однако сделать это оказалось непросто. Коленями я нанес твари несколько ударов в брюхо, но она только недовольно хрюкала после каждого попадания, вряд ли испытывая по-настоящему серьезную боль: мне казалось, что я пинаю наполненную песком тренировочную грушу.

Подхваченное мощным движением воздуха от нашего совместного падения, яйцо нырнуло вслед за нами в стойло и теперь, привлеченное возней на полу, начало описывать над нами глубокомысленные окружности, снизившись еще сантиметров на двадцать.

– Да я ж тебя зубами загрызу, дура! – с ненавистью прошипел я в перекошенную морду свиномрази.

Я снова и снова пытался сделать «мостик», упираясь в пол

каблуками и лопатками. Возникла патовая ситуация: я ничего не мог поделаться со свиньей-мутантом, но и она не в силах была немедленно разделать меня на куски – ее передние конечности были слишком длинными и при взмахе могли зацепить чертово яйцо, а чтобы дотянуться до моего лица мелкими острыми зубками, ей пришлось бы привстать с меня с риском пихнуть смертоносный артефакт мясистым загривком.

Сложившееся положение вещей бесило нас обоих до крайности. Свиномразь яростно бормотала на своем птичьем языке, на все лады повторяя, что у нас с ней очень серьезные проблемы. Я неистово матерился, ерзая под ее тушей. Лишь антрацитовый смертоносный артефакт сохранял абсолютное, ледяное спокойствие, нарежая над нами бесконечные круги в воздухе.

Тварь сдалась первой. Все-таки ее очень нервировала звенящая и поющая нечеловеческим голосом над головой черная смерть. Свиномразь вдруг прыгнула чуть назад, одновременно приподнимаясь на кончиках острых копыт, и тут же вновь подалась вперед, уже стоя на полусогнутых и пытаясь дотянуться сморщенной пастью до моего горла. Но я ожидал этой ошибки. Едва тварь приподнялась с меня, я сумел мгновенно высвободить из-под ее брюха придавленные руки и, скрючив пальцы на манер когтей, вонзил их в податливые глазницы вновь надвинувшейся на меня уродливой морды.

Отчаянно крича и неразборчиво ругаясь, полуослепшая

псевдоплоть свирепо замотала кошмарной башкой. Больно, понимаю; терпи, красавица.

Тварь снова придавила меня к полу, но теперь руки у меня были свободны, и щадить ее я не собирался. А кто сказал, что сталкеры должны являть миру исключительно примеры высокого благородства? Такое даже Рэду Шухову показалось бы странным.

Чертово яйцо скользнуло еще ниже, едва не задев моего противника по мохнатой холке. Отлично, отлично.

Свиномрази все-таки удалось стряхнуть мою правую руку, но левую я очень глубоко пропихнул ей в глазницу, захватив в горсть выпученный хамелеоний глаз и безжалостно его выкручивая. Прости, подруга, не я затеял эту драку.

В черепе твари что-то звучно лопнуло и оторвалось. Свиномразь тонко подвывала, стараясь схватить меня за руку старческим ротиком, но я не позволял ей баловать, изо всех сил колотя кулаком свободной руки по кривой башке.

Наконец тварь решила, что с нее хватит этого кошмара, и внезапным движением откатилась в сторону. Ни за что не подумал бы, что эта туша способна перекатиться с такой быстротой и легкостью. Полураздавленный правый глаз твари с куском глазного нерва остался у меня в руке. Ценная вещь, между прочим, научники за такие глаза нормальные деньги платят.

Лежа на спине, я увидел, как на меня хищно пикирует чертово яйцо, и, ни на мгновение не задумавшись, швырнул

в него драгоценным глазом. По касательной задев окровавленный кусок плоти мутанта, смертоносный артефакт чуть изменил траекторию и коснулся пола в полутора метрах от меня – почти ровно посередине стойла, между мной и снова перекрывшей выход наружу тварью. И словно примагнитился к бетонной поверхности, засыпанной сгнившей соломой, встав на один конец, а другим описывая в воздухе плавные круги.

Час от часу не легче.

Свиномразь начала потихоньку пятиться, отползать к выходу из стойла, судорожно толкаясь заостренными ногами, но чертово яйцо вдруг «шагнуло» следом за ней, перекатившись с одного конца на другой, и тварь замерла в священном ужасе, уставившись на черный артефакт единственным оставшимся глазом. По ее морде из развороченной опустевшей глазницы сгустками стекали грязно-бурая кровь, гной и сукровица, превращая и без того мерзкую морду монстра в совершенно адскую маску.

Терять мне уже было нечего: без ножа я не мог справиться ни с тварью, ни с артефактом смерти. Поэтому я неторопливо поднялся на ноги, хладнокровно перешагнул прямо через елозившее по полу чертово яйцо и снова ухватил тварь за боевые заостренные конечности, только теперь уже спереди. Дернувшись изо всех сил, она едва не вырвалась, но я держал крепко, невзирая на то, что из моих рассеченных ладоней опять потекла кровь.

Чертовое яйцо с мелодичным звоном крутилось совсем рядом с моей левой лодыжкой. Страха внутри меня уже не было: хватит, отбоюсь. Остались только невероятная психологическая усталость и жуткая досада на то, что все опять случилось не так, как следовало бы. Ну что этой скотине стоило откатиться в другую сторону, в глубь стойла?! Разве не подлость с ее стороны?..

Свиномразь яростно мотнула всем корпусом туда-сюда, сбив меня с ног и провезя по полу в сторону артефакта, но я резко согнул ноги в коленях и ухитрился не зацепить ботинком смертоносную штуковину. Прямо перед моим лицом снова подергивалась и корчилась в болезненных гримасах страхолюдная морда твари, выпачканная собственной нечистой кровью, с ее тоненьких губ срывались клочья отвратительной пены. Уцелевший глаз был яростно устремлен на меня.

– Думискуфсгли-и-и! – завизжала свиномразь.

Не обращая внимания на ее завывания, я сосредоточенно продолжал выворачивать ей передние конечности, пытаюсь лишить маневренности. Упершись коленями в пол, я обрел наконец необходимую точку опоры и теперь медленно поднимался на ноги. Молись своему гнилому богу, тварь, если он у тебя есть.

Свиномразь дернулась снова – раз и другой. В другое время она наверняка проявила бы куда больше активности, и мне едва ли удалось бы удержать ее руками, но сейчас ее

до смерти пугала маленькая вытянутая сфера черного цвета, перекатывавшаяся по полу рядом с нами. Тварь боялась сделать лишнее движение, чтобы не потревожить смертоносный артефакт. Поэтому я без особого труда сумел подняться на ноги, после чего, упершись в пол каблуками, мощным рывком подтащил противника к себе.

Перепуганная свиномразь начала судорожно вырываться, оказывая теперь весьма серьезное сопротивление, но я упорно тащил ее за собой. Чертово яйцо под моими ногами уже перестало вращаться, оторвалось от пола и медленно вспарило в воздух. Я снова решительно перешагнул через него, пока оно выписывало сложные петли сантиметрах в десяти над разбросанной соломой, и поволок за собой неистово сопротивлявшуюся свиномразь.

Тварь совсем взбесилась от страха, она упиралась задними ногами в пол, стараясь вырвать из моей железной хватки передние, но я по-прежнему не собирался давать ей шанса. Она слишком расстроила меня сегодня. Адреналин бешено струился по моим жилам, и в горячке схватки я почти не ощущал боли в изуродованных кровоточащих ладонях.

Плавно поднимавшееся к потолку чертово яйцо вновь оказалось между нами, в совсем узком пространстве, ограниченном кольцом моих рук, стиснувших крабы конечности мутанта. Свиномразь выла, вырываясь все яростнее, и в какой-то момент я вдруг остро ощутил, что мне ее не удержать.

Варить твою кашу!.. Выходит, столько усилий оказалось потрачено зря. По-моему, я вообще ухнул на эту решающую атаку последние силы, которые у меня еще оставались. Если тварь вырвется, я больше ничего не смогу сделать – без оружия и в десяти сантиметрах от непредсказуемого и смертоносного артефакта-аномалии.

«Боже, какая нелепая смерть...» – как удрученно сказал один английский лорд, когда за ним явилась смерть с клоунским носом, в рыжем парике и гавайской рубашке. С гармошкой через плечо.

Мутировавшая тварь яростно дергалась, неумолимо выворачиваясь из захвата, а я в тихом отчаянии цеплялся за ее шипастые передние конечности, словно висящий над пропастью альпинист, который из последних сил хватается за скальный выступ, но чувствует, как силы стремительно покидают его.

Чертово яйцо между тем продолжало нерешительно колыхаться между моими руками, выбирая, кого из нас коснуться первым. Теперь достаточно твари неожиданно дернуть всем корпусом на себя, и оно ужалит меня точно в то место, в которое свиномразь ударила в начале схватки.

Все, больше удерживать противника я не мог. Свиномразь окончательно вывернулась из захвата, и я, резко отпустив руки, тут же подался назад, чтобы оказаться подальше от маленькой черной смерти, висевшей в воздухе между нами.

Тварь же, все это время усиленно тянувшая в противо-

положную сторону, по инерции взмахнула неожиданно высвободившимися передними конечностями и концом острого хитинового копыта случайно зацепила чертово яйцо, которое тут же пулей устремилось в мою сторону.

Глава 3

Западня

Жуткий, пронзительный визг твари, колебавшийся на грани ультразвука, прорезал пространство коровника. Меня же спасло лишь небольшое расстояние до смертоносного артефакта, мгновенно превратившегося в снаряд: будь оно чуть больше, я непременно успел бы дернуться в попытке увернуться и тогда, скорее всего, лег бы рядом со свиномразью.

Однако Черный Сталкер уберег меня и на этот раз – не успев ничего предпринять, я просто оторопело остался на месте и, как выяснилось, поступил вполне здраво, потому что чертово яйцо, стремительно летевшее по прямой, вдруг резко вильнуло, завалилось набок и, кувыркаясь, пронеслось мимо, описав вокруг меня неправильную параболу. Если бы я бросился в сторону, не исключено, что там бы мы с ним и повстречались.

Между тем свиномразь кричала не переставая. Судя по всему, ей было очень плохо, хотя умирать она явно не собиралась. У мутантов совершенно другая биохимия и обмен веществ, так что прикосновение к чертовому яйцу необязательно должно было привести ее к летальному исходу. Тем не менее интерес ко мне тварь утратила мгновенно. В конце концов, тот страх и почтение, которые она выказывала перед

этим загадочным артефактом, тоже говорили о многом. Если не серьезные повреждения, то уж нестерпимые страдания он ей причинил точно.

Чертово яйцо с треском ударилось о стену за моей спиной и отрикошетило от нее. Я резко присел, пропустив его над головой. Свиномразь, трясаясь всем телом и жалобно бляя что-то невразумительное, понемногу отползала от меня. На выходе из стойла она дважды врезалась массивным задом в стену, прежде чем сумела выбраться в широкий центральный проход. Похоже, она совершенно потеряла ориентацию. Я внимательно наблюдал за ней, ожидая любой гадости, и при этом не выпускал из поля зрения чертова яйца, которое кувыркалось в воздухе посреди коровника, будто влипнув в невидимую паутину.

Тварь крутанулась на месте – сначала в одну, потом в другую сторону, словно собака, пытающаяся поймать собственный хвост. Ее ротик страдальчески кривился, издавая мучительный визг. Копыто, которым она прикоснулась к яйцу, почернело и растрескалось.

Затем свиномразь снова начала неуверенно пятиться. Она словно пыталась отползти подальше от собственной конечности, пораженной неведомой страшной заразой, однако сделать этого, естественно, не могла: почерневшее копыто безвольно волочилось по полу вслед за ней.

Поняв тщетность своих усилий, тварь начала бешено трясти пострадавшей ногой, затем, словно придя в неистовую

ярость, принялась с размаху лупить ею по бетонному полу. Я с изумлением увидел, как трескается от ударов хитиновый панцирь зазубренной конечности. Похоже, тварь совершенно обезумела от боли.

Видимо, эта тактика тоже не принесла облегчения. Жалобно подвывая, свиномразь вновь принялась пятиться по проходу, мелко семеня тремя ногами и волоча за собой четвертую; в другой ситуации это выглядело бы даже забавно.

А потом раздался оглушительный хлопок, и тварь подбросило в воздух. Она взлетела метра на полтора над полом, перевернувшись кверху брюхом и нелепо взмахнув длинными крабьими конечностями.

Интересно, насколько силен у мутантов Зоны инстинкт самосохранения? Способны ли они в безнадёжной ситуации на самоубийство, чтобы прекратить страшные мучения? Мозголомы и гоблины – почти наверняка: у них примитивный человеческий интеллект. Это в теории. Однако на практике они слишком дорожат своей жалкой жизнью и бьются за нее до последнего, даже если это совершенно бессмысленно и лишь продлевает агонию.

Циклопы и снорки довольно умны для зверей, но не настолько, чтобы рассудок мог перевесить звериный инстинкт самосохранения. Остальные твари, обитающие внутри Периметра, в том числе и свиномразы, просто животные, некоторые более, некоторые менее умные и хитрые.

Как бы то ни было, нарочно ли свиномразь сунулась в

аномалию или попала туда случайно, потеряв от боли и ужаса ориентацию, фейерверк вышел на славу. Трамплин подбросил ее, и перекрученное гравитационной аномалией тело мутанта рухнуло в самую середину мухобойки, которая насквозь пробила его огромным сиреневым разрядом, исторгнув из глотки жертвы низкий утробный вопль. Резко, но приятно пахнуло жареной свининкой.

Однако тварь была еще жива, когда рухнула на бетонный пол и стала судорожно скрести по нему заостренными копытами, пытаясь встать на ноги. Подняться у нее так и не получилось, задние ноги, похоже, оказались парализованы электрическим разрядом, поэтому свиномразь лишь вращалась вокруг своей оси, лежа на боку. В какой-то момент судорожно сгибавшаяся и распрямлявшаяся передняя конечность мутанта угодила в пятно притаившегося рядом гравиконцентра, который резким рывком придавил ее к бетонному полу и сплющил в лепешку.

По-видимому, тварь уже не могла кричать: отчаянно хрипя, она судорожно забилась в капкане, всем телом с размаху ударяясь о пол, совершенно ничего не соображая. На четвертом ударе трамплин возле гравитационной плечи снова поймал ее и попытался подкинуть в воздух, однако сумел оторвать от пола лишь заднюю часть – раздавленное копыто, которым тварь была прикована к бетону, сухо треснуло.

Нелепо взмахнув другой передней ногой, свиномразь угодила в зону действия гравиконцентра и ею тоже. Трамплин

сработал снова, и еще раз, и еще – внутри сдавленно сипящей твари что-то с треском и бульканьем рвалось, из угла ее ротика побежала темная струйка, уцелевший глаз вылез из орбиты настолько, что казалось, вот-вот лопнет.

Гравиконцентратор не отпускал конечности свиномрази, а трамплин упорно тянул к себе ее заднюю часть. Наконец аномалии разорвали ее пополам: трамплин принялся подбрасывать доставшуюся ему половину мутанта, разбрызгивая во все стороны мутную кровь, и вскоре уронил ее в соседнее стойло, а передняя часть твари рухнула прямо в центр гравитационной плещи и мгновенно была превращена в темное пятно плоти, спрессованной с такой силой, что толщина пятна не превышала толщины бумажного листа.

Потревоженное резкими хлопками, движениями и бросками, чертово яйцо, до этого кувыркавшееся в воздухе над центральным проходом, снова решительно направилось в мою сторону.

Я замер.

Долетев до моего стойла, яйцо натолкнулось на его левую боковую стенку, отразилось от нее, ударилось в вертикальную стойку, к которой крепились деревянные щиты перегородки, снова изменило вектор движения, стукнулось в противоположную стенку, отлетело назад...

Я терпеливо ждал, пока наконец этот черный бильярдный шар оставит меня в покое и, отразившись под тупым углом, улетит обратно в центральный проход – и вот тогда

уже можно будет начинать думать, как отсюда выбираться. Однако чертово яйцо продолжало неумолимо шнырять посреди стойла, и вскоре я ощутил, что происходит что-то не совсем понятное.

Левая стенка, вертикальная стойка, правая стенка. Зловещий мелодичный звон. Левая стенка, вертикальная стойка, правая стенка. Зловещий мелодичный звон. Стенка, стойка, стенка. Стенка, стойка, стенка. Звон. Звон, твою мать!..

Маленькая черная смерть сновала по одному и тому же невидимому треугольнику – ни разу не сбившись, не отклонившись в сторону, не потеряв амплитуды и скорости движения даже на сотом повторе. Левая стенка, вертикальная стойка, правая стенка. Зловещий звон, и все сначала: левая стенка, вертикальная стойка, правая стенка. Так не могло, так не должно было быть, но так было – заматавшись в узком пространстве между стенками, чертово яйцо надежно заперло меня в стойле.

Единственное, что невозможно в Зоне, – это слово «невозможно».

– Хемуль! – донеслось от ворот.

Я осторожно, чтобы не потревожить своего чуткого тюремщика, поднял голову и бросил взгляд на выход из коровника, который располагался как раз напротив моего стойла в противоположном торце фермы. Патогеныч стоял в воротах, сжимая в руках пистолет. Черт, у меня даже дыхание перехватило: он слишком сильно рисковал, в одиночку преодо-

левая аномальное поле перед зданием, причем сделав это за рекордное время – вряд ли мы со свиномразью бились дольше пяти минут. В устном рассказе или на бумаге подробное описание схватки занимает много места, однако на самом деле счет в ней обычно идет на секунды.

И теперь не факт, что нам с Патогенычем удастся успешно выбраться обратно.

Честно говоря, я с самого начала совершенно не рассчитывал на его помощь, понимая, что пробиться ко мне снаружи будет тяжело. Однако старый бродяга не смог бросить меня на растерзание мутанту. Спасибо, конечно, брат, но какой же ты идиот. Старый сентиментальный идиот.

– Замри! – раздраженно распорядился я. – Обалдел?! Не размахивай руками!

– Куда делась тварь? – настороженно спросил напарник, продолжая рыскать стволом девяносто второй «беретты».

– Вон валяется, – произнес я. – Сам справился, без салажни. Голыми руками загрыз.

– Молодец какой, – безжизненно проговорил Патогеныч. Ага, стало быть, увидел яйцо. – Проползти сможешь под ним?

– Хрена, – сообщил я. – Оно меня не выпускает. Смотри, как низко ударяет в правую стенку.

– Паскуда.

– Не то слово.

Патогеныч задумался.

– Может, ему скоро надоест мельтешить? – предположил он.

– Может, – согласился я. – Или наконец раскурочит металлическую стойку к чертям, а потом изменит траекторию. Подождем.

– Подождем. Время у нас есть.

– О черт, – убитым голосом проговорил я.

– Что? – угрюмо вскинулся напарник.

– Нет у нас времени ни фиги.

Патогеныч проследил направление моего взгляда и, судя по всему, обнаружил то же, что и я: темную полосу на правой стенке стойла. Полоса была широкой, длинной и хорошо заметной даже с такого расстояния.

– Это оно делает? – на всякий случай уточнил Патогеныч, хотя все и так было ясно.

– Нет, я нарисовал только что! – огрызнулся я. – Фломастером! Разумеется, оно!

– От собака.

На дереве чертово яйцо тоже оставляло следы, как и на металле – неровные овальные ожоги, похожие на следы от огромного паяльника. Вот только если бы траектория яйца была неизменной, как нам казалось, если бы оно действительно стучалось в одну точку, то на правой стене должно было бы оставаться все более и более темное обожженное пятно, может быть лишь немного увеличивающееся в размерах. Однако вместо пятна на стене оказалась выжжена полоса –

смертоносный артефакт с каждым ударом неуловимо сдвигался в мою сторону, и его отпечатки накладывались один на другой. У меня за спиной еще имелось около метра свободного пространства, но по длине коричневой полосы на стене было ясно, что менее чем через четверть часа яйцо окончательно прижмет меня к торцевой кирпичной стене коровника.

А потом нежно поцелует. В щечку.

Ладно. Одну партию в теннис мы сегодня уже выиграли, можно попробовать еще раз. Я осторожно, чтобы не потревожить мельтешащую перед лицом маленькую черную смерть, положил левую ладонь на бедро... сдвинул чуть левее... еще левее...

Под ладонью все еще было бедро. Чудненько. А где же мой восхитительный контейнер для артефактов?

Я аккуратно покрутил головой. Контейнер обнаружился неподалеку от выхода из стойла, наполовину вмятый в пол тем самым гравиконцентратором, который превратил в лепешку половину моего предыдущего противника. Видимо, сорвался с пояса, когда мы схватились со свиномразью.

Дважды чудненько. И чем, простите, я теперь отобью смертельно опасный теннисный мяч?!

Я бросил взгляд на стенки своей камеры смертников. Можно было бы попробовать оторвать от них брус или доску, однако конструкция выглядела крепкой, и этой возней я наверняка привлек бы внимание чертова яйца.

Посмотрел на Патогеныча. Можно было бы попросить его кинуть мне свой нож или контейнер, но слишком велико расстояние – точный бросок не получится, предмет может угодить в трамплин, который выстрелит им с такой силой, что мне снесет голову. Да и вообще, когда возле тебя шныряет реагирующая на малейшее движение смертоносная штука, швыряться контейнерами или размахивать руками, пытаюсь их поймать, не самая продуктивная идея.

Судорожно перебрав в уме все, что на мне было, от куртки до ботинок, и сообразив, что ничего подходящего нет, я посмотрел на Патогеныча. Тот молчал, явно тоже что-то прикидывая про себя. Потом медленно поднял «беретту», и я даже с такого расстояния разглядел черную точку дула.

– Я попытаюсь сбить его из пистолета, – хрипло проговорил он.

– Ты хоть раз слышал, чтобы яйцо сбили из пистолета? – безнадежно осведомился я.

– К черту! Всё когда-то бывает в первый раз. Оно твердое, значит, не пропустит пулю. Оно обладает массой, значит, пуля сможет его отбросить. Понял?

– Ты мне башку прострелишь, академик. – Я едва удержался от того, чтобы качнуть головой. – Сто процентов.

– У тебя есть другие предложения, радиоактивное мясо? Я скромно промолчал, потому что других предложений у меня не было.

Патогеныч тщательно прицелился. Сморщился недоволь-

но: слишком далеко. Осторожно шагнул вперед, не отводя взгляда от мушки.

– Оттуда стреляй! – вполголоса прорычал я. – Тут аномалии кругом!

До Патогеныча было шагов сорок, а попасть ему надо было в черную на темно-сером фоне цель размером с половину его кулака, непрерывно меняющую вектор движения. Черт, далековато!

Но позволить приятелю приблизиться еще я не мог. Если он выстрелит оттуда, у меня еще есть шансы, а вот если он сунется ближе и угодит в трамплин или карусель, мне точно хана.

Один, без датчиков, под охраной смертоносного артефакта-аномалии я отсюда не выберусь. Даже если яйцо перестанет приближаться, что вряд ли, мне останется только занять место покойной свиномрази в углу и обгладывать доставшуюся по наследству голую коровью кость.

В общем, я вам так скажу, ребята: когда в тебя с сорока шагов целится из пистолета твой ближайший друг, которому ты не раз спасал жизнь в Зоне и все такое прочее, то это запредельно паскудно. Утверждаю как эксперт.

– Не дергайся, Хемуль, – сосредоточенно произнес Патогеныч, сжимая рукоять пистолета обеими руками. – Стой спокойно. Вообще не шевелись, собака, не то я тебе вот такенную дырку во лбу сделаю. Будешь ходить с дыркой, как последний придурок.

Я судорожно облизал губы. Еще раз измерил взглядом разделявшее нас расстояние.

– Ладно, брат, – негромко проговорил я. – Решил стрелять, так стреляй, нечего разговоры разводить. Не в Верховной раде.

– Хемуль, ты меня не учи детей делать, – угрюмо хмыкнул Патогеныч.

Решив, что дожидаться выстрела с закрытыми глазами неконструктивно, я уставился точно в дуло «беретты». Привет, родная.

Патогеныч выстрелил.

Пуля взвизгнула у меня над ухом и глубоко вонзилась в оштукатуренную кирпичную стену за спиной – я даже не успел испугаться.

– Нихренаськи ты снайпер, – только и сказал я, глядя на Патогеныча, когда окончательно понял, что в этот раз пуля досталась не мне. – Покойный Янкель тебе и в подметки не годится.

– Пошел в мухобойку! – психанул напарник. Его борода возмущенно встопорщилась, мне даже показалось, что сейчас он швырнет в меня пистолетом. – Иди сам попробуй, умник!

– С удовольствием. Меняемся местами?

– Слушай, ты, остряк-самоучка! Стой спокойно и скорбно молчи, как мемориал жертвам Голодомора, пока я тебе ухо не отстрелил!

Патогеныч переложил пистолет в левую руку, покрутил кистью правой, разминая запястье. Закрыв глаза, помассировал их двумя пальцами у переносицы. Снова открыл, поморгал, потряс головой. Крепко стиснул рукоять пистолета правой ладонью, поверх обхватил левой.

– Не пытайся ловить яйцо в движении, – посоветовал я. – Целься в то место на стенке, куда оно ударяет, и жми на спуск за мгновение до того, как оно там окажется.

– Заткнись и не тряси башкой, – распорядился напарник.

Пришлось подчиниться, потому что дуло пистолета, казалось, опять направлено мне точно между глаз. Не стоит отвлекать человека в такой ответственный момент. Я и так уже на нервной почве наговорил больше, чем надо. Например, покойника Янкеля в такой ситуации точно не стоило упоминать. Еще, чего доброго, услышит и поманит за собой...

Выстрел!

Мне снова стоило больших усилий после этого звука не упасть на пол и не перекатиться, уходя с линии огня. Полезные привычки намертво въедаются в подсознание, даже когда от них нет никакого толку, один вред.

Справа от меня раздался гулкий треск, и в перегородке стойла возникло перекошенное отверстие. Эта пуля, под небольшим углом вошедшая в деревянную стенку, тоже не попала в чертово яйцо, однако зацепила по касательной. А может быть, и не зацепила, поскольку яйцо даже на миллиметр не сбилось со своей траектории, но определенно про-

неслась почти вплотную к нему, потому что после выстрела смертоносный артефакт издал такой оглушительный звон, что у меня даже в ушах зазвенело.

– Живой? – испуганно спросил Патогеныч.

– Не то слово, – мрачно проговорил я. – Но когда выберемся отсюда, мне понадобятся запасные штаны. Много запасных штанов.

– Я тебе подарю десяток-другой... – сквозь зубы процедил Патогеныч.

Я не стал отвечать, потому что после предыдущего выстрела коллега так и не опустил руку с пистолетом и по-прежнему сосредоточенно целился в меня. По-видимому, ему не хотелось терять уже почти пристрелянную линию огня.

Ладно. В «камень – ножницы – бумагу» играют до трех побед. Два промаха не считаются.

После короткой паузы Патогеныч выстрелил снова, и я вновь услышал прямо перед собой короткий, пронзительный и тонкий звон – только теперь он был таким оглушительным, словно взорвался кровеносный сосудик у меня в голове.

Пригнувшись, я бросился вперед, в освободившийся проход, чтобы не столкнуться с отброшенным пулей чертовым яйцом, которое сейчас должно было со страшной силой отразиться от противоположной стены, – и в ту же секунду перед моими глазами ослепительно вспыхнул мрак, рассеченный посередине тонкой огненной линией. Мне показалось,

что я потерял сознание, и это ощущение блаженного небытия и абсолютной защищенности от всего окружающего длилось несколько часов.

Однако на самом деле, похоже, все продолжалось ничтожную долю секунды, потому что затем я по инерции сделал еще один неуверенный шаг вперед и, совершенно дезориентированный, присел от неожиданности, ощутив, как по спине и голове колотят легкие кусочки чего-то легкого и твердого. Я все же упал на пол и перекатился, но лишь для того, чтобы, поднявшись, зафиксировать страшное: от столкновения с пистолетной пулей чертово яйцо разлетелось вдребезги, и его осколки, от ricochetив от торцевой стены коровника, осыпали меня с головы до ног.

Я поднял блуждающий взгляд и споткнулся им об ошарашенное лицо Патогеныча, который только что, кажется, меня убил.

– Твою мать, – только и сумел выдавить Патогеныч. Вид у него был жалкий. – Р-раствору размасть!..

М-да. Подавляющее большинство артефактов Зоны – это монолитные булыжники и прочие предметы, почти не поддающиеся механическому воздействию. Только поэтому идея сбить чертово яйцо из пистолета показалась нам стоящей. Кто же мог знать, что оно хрупкое, словно сделано из керамики?!

Патогеныч попытался броситься ко мне через весь центральный проход, но я остановил его резким взмахом руки.

На хрена нам здесь два трупа, когда вполне можно обойтись одним?

– Стой там! – яростно прохрипел я. – Хватит играть в юного партизана УПА!

– Ты как вообще? – мрачно поинтересовался напарник.

– Восхитительно, – огрызнулся я. – Замри хоть на минуту, не маячь. Душевно тебя прошу.

Патогеныч повиновался, и я внимательно прислушался к себе, пытаюсь ощутить какие-либо сбои в работе организма, пытаюсь почувствовать стремительное приближение неминуемой гибели. Только не было никаких сбоев и никакого стремительного приближения. Текли секунды, но абсолютно ничего не происходило. А ведь малейшее прикосновение к чертову яйцу обязано приводить к мгновенной смерти. Как такое может быть?

Видимо, последнюю фразу я пробормотал вслух, потому что Патогеныч тут же осторожно откликнулся:

– Чего?

– Говорю, я в норме! – произнес я, распрямляясь.

Фух. Ну, кажется, счастлив наш бог. Похоже, разбитый артефакт-аномалия просто не работает. Смертельно опасно лишь целое чертово яйцо, а его осколки не способны удерживать смертоносного заряда, или чем оно там поражает вольных бродяг и прочие живые организмы.

Вот только как быть с той мгновенной потерей сознания, которая накрыла меня в момент, когда обсидиановая смерть

разлетелась вдребезги? С тонкой линией оранжевого огня перед глазами?..

Может быть, пошалило подсознание, понявшее, что я обречен, и со страху на полсекунды погасившее рассудок? Но откуда оно могло это взять – ведь я, только выйдя из транса, понял, что меня обсыпало кусочками смертоносного артефакта?

Ладно. В Зоне полно загадочного, и не всегда загадочное непременно заканчивается плохо. Иногда фортуна улыбается и сталкерам.

– Точно все в порядке? – подозрительно спросил Патогеныч. – Как себя чувствуешь?

– Как и положено вольному бродяге, обсыпанному чертовым яйцом, – отозвался я. – Погано. Прям помираю.

– Зубоскалишь, собака, – с неудовольствием отметил коллега. – Значит, выживешь. А я-то, блин, беспокоился.

– Если выживу, с меня пиво, – пообещал я. – Не знаю, сумел бы я сам попасть в цель при таких условиях...

– Пиво – это хорошо, но я бы, конечно, предпочел продать чертово яйцо, – печально отозвался Патогеныч.

– Бери пиво, потому что яйца тебе теперь точно не видать. – Стараясь не наступать на разлетевшиеся по всему полу антрацитовые осколки, я неторопливо приблизился к центральному проходу и остановился на границе аномальных полей. – Или ты мне предъяву выписываешь за спасение?

– Да какая там предъява, брось, – вздохнул Патогеныч. –

Ты же ни при чем. Беру пиво.

– Замазали. Что дальше? Выбираемся по приборам?

– А хрена вот, – отозвался Патогеных, поднимая левую руку с ПДА на запястье.

Экран его портативного компьютера был мертв. Мы попали в мертвую зону, где не функционировало никакое электронное оборудование. Соответственно, не работали и датчики аномалий. Мое счастье, что сработал пистолет напарника. В подобных зонах порой даже бывает так, что огнестрельное оружие дает сплошные осечки: порох категорически отказывается воспламеняться.

– Мать твою, дорогой друг, – ровным тоном произнес я.

– Моя вина, – со вздохом согласился Патогеных. – Значит, я пойду впереди.

– Обломайся, – заявил я. – Ты же спасал мне жизнь. Теперь расслабься и получай удовольствие.

– Хрена, – отрезал Патогеных. – Тебе еще добираться до выхода. И вылезать наружу.

– Ладно, тогда помогай. У ворот разберемся, кто тут самый крутой медведь в берлоге.

Я сунул руку в нагрудный карман и извлек несколько болтов. Подбросил их на ладони раз и другой, выбирая подходящий.

То есть все они, разумеется, были совершенно одинаковыми, как и всегда, но я часто позволяю своему организму самостоятельно, без участия сознания выбрать нужный в

настоящий момент болт. Не знаю, имеет ли это какой-либо смысл, но порой мне кажется, что разные болты по-разному проходят одну и ту же трассу. Некоторые лучше реагируют на мухобойки, некоторые издали чуют топки, некоторые под правильным углом входят в гравиконцентраты. Возможно, на каких-то из них просто остается статический заряд от трения о ткань кармана, какие-то чуть больше намагничены, у каких-то неуловимо нарушена симметрия, из-за чего они вращаются в полете немного быстрее или медленнее других...

Неважно. Короче, я свято верю в то, что без участия сознания организм способен выбрать самый подходящий в данный момент болт, и этого достаточно. Сталкерской интуиции надо доверять, иначе быстро останешься без головы. Зря я, что ли, считаюсь самым везучим сукиным сыном по эту сторону Периметра? Везение – оно ведь не возникает ниоткуда, это просто результат невидимой работы подсознания, древней сигнальной системы, заранее паникующей там, где сознание отказывается видеть какую-либо опасность. Чаще всего эта паника не основана ни на чем серьезном, но в одном случае из ста она реально спасает тебе жизнь.

Выбрав нужный болт, я небрежным движением бросил его прямо перед собой – недалеко, метра на три. Я помнил, что дальше прямо посреди прохода расположилась солидная птичья карусель, так что брать большую дистанцию не имело смысла. Болт беспрепятственно проскакал по бетонному по-

лу и замер на месте, но потом качнулся, перекатился с грани на грань, пополз в сторону, набирая скорость, и шмыгнул в одно из стойл. Значит, там притаилась небольшая жадинка; ну, ничего страшного, я не стану там задерживаться, и она не успеет меня приковать.

— Чисто, — донеслось от ворот. Патогеныч осмотрел мою предполагаемую трассу со своей стороны и тоже не обнаружил ничего подозрительного, кроме жадинки — насколько вообще можно было что-нибудь разглядеть с такого расстояния. Ладно, ближе к выходу его помощь станет более ценной.

На обратный путь к воротам фермы я затратил вдвое больше времени, чем на дорогу в противоположный конец коровника. Было тяжело выбирать новую трассу, но возвращаться прежней я не собирался. Сталкер никогда не возвращается по собственным следам, это аксиома. Достаточно какой-нибудь ловушке чуть сместиться — и привет, заказывай деревянный макинтош. Лучше поискать новую дорогу: муторно, зато надежнее.

Наконец я встал прямо перед Патогенычем. Я увидел искорки страха, промелькнувшие в его глазах, но он не стал машинально отстраняться. Старая школа. Да, я вполне мог быть инфицирован какой-нибудь гадостью из расколотого чертова яйца, однако если Патогеныч собирался вытащить меня из Зоны, любые меры предосторожности для него все равно были бесполезны. Чего ж тогда дергаться без толку? Единственной санитарной мерой, которая стопроцентно из-

бавила бы его от возможного биологического поражения, было издали положить меня из «беретты» – прямо там, в стойле. И то еще не факт, что помогло бы.

Я остановился перед дверями – напротив Патогеныча, который благоразумно не полез в ворота между двумя близко расположенными аномалиями и ожидал меня по ту сторону порога. Оно и правильно.

Мы с двух сторон обкидали аномалии болтами.

– Запомнил, как легли маркеры? – спросил я.

– Ото ж.

– В оба смотри, – на всякий случай предупредил я.

– Не бойсь, – хрипло отозвался напарник. – Готов?

– Командуй.

– Три-двенадцать.

Датчики аномалий у нас не работали, поэтому единственным для меня шансом выбраться из коровника было положить на Патогеныча. Ему приходилось прокладывать маршрут на глазок, а мне – молиться Черному Сталкеру, чтобы интуиция и память нас не подвела.

Поскольку я двигался боком, мне так или иначе приходилось повернуться спиной к одной из аномалий, и контролировать их одновременно я не мог. Оставалось надеяться, что старый приятель не даст мне слишком сместиться в сторону.

Я вдвое сократил и без того крошечные шажки. Патогеныч деловито командовал с той стороны двери, но я чувствовал, как он напряжен. Не знаю, что было бы проще для меня

– находиться на его месте или на своем.

Громко треснула мухобойка за моей спиной, и я едва не подпрыгнул. Лохматить твою бабушку! Ржавые волосы над головой качнулись на сквозняке, попытавшись погладить меня по макушке, но я втянул голову в плечи. Дырку вам от бублика, а не Хемуля.

Шажок. Шажок. Шажок.

Уже у самого порога меня качнуло и поволокло влево. Патогеныч стремительно метнулся вперед и, ухватив за куртку, одним движением выдернул меня из зоны искаженной гравитации. Рискованный трюк, конечно – гравиконцентратная плешь вполне может втянуть двоих. Но нам не привыкать дергать смерть за усы.

Я покрутил рукой в воздухе – дескать, спасибо, отплачу хабаром. Говорить я не мог, горло у меня перехватило от переизбытка адреналина.

– Ну что, бродяга? – негромко спросил Патогеныч, дав мне немного отдышаться. Он смотрел туда, где мы оставили рюкзаки. – На «камень – ножницы»?..

Я не стал протестовать, мы снова сыграли на «камень – ножницы», и на этот раз мой напарник проиграл. Не знаю, поддавался он или нет; похоже, что нет. Я, по крайней мере, не поддавался и на его месте тоже не стал бы. Баловство это и недостойно вольного бродяги. Если уж судьба должна сама что-то решить, нечего ей помогать. Иначе обидится и страшно отомстит.

Патогеныч осторожно двинулся вперед. Шаг. Шаг. Шаг.

– Трамплин заметил? – подал голос я, когда он преодолел несколько метров.

– Заметил... – сдавленно отозвался коллега. – Справа что, видишь?

– На контактную пару похоже.

– Где второй контакт? Первый вижу.

Изо всех сил напрягая зрение, я покрутил головой по сторонам.

– Сделай право восемь, – посоветовал я. – Это почти наверняка контакт, но второго не вижу.

– Мать твою, Хемуль! Как мы тут прошли пять минут назад?!

– Пес его знает. Сделай право восемь, а лучше десять. И ждем.

Патогеныч послушался и вскоре обнаружил искомый второй контакт:

– Фу, черт! За кустами было не видно.

– Не расслабляйся давай. Не теряй контроля. Осторожнее семь-двенадцать, по-моему, кусты неправильно растут. Что-то невидимое на них давит с той стороны...

Напарник продолжил движение. Аккуратно перешагнул длинную полосу пожелтевшей, выгоревшей травы. Медленно обогнул хорошо очерченный гравиконцентрат. Несколькими болтами обозначил границы небольшой птичьей карусели, обошел ее стороной. Напряжение было нешуточное:

идти через аномальное поле без датчиков – это высший пилотаж. Врагу не пожелаешь.

Отпустив Патогеныча метра на четыре, я двинулся за ним – осторожно, след в след, стараясь точно повторять его маршрут.

Пронзительный вой донесся из разросшейся лесопосадки справа. Затем еще раз и еще – уже ближе. Дохлые собаки гнали кого-то через лес в нашу сторону. Ну, всё одно к одному. Как не заладилось с самого начала, так и дальше пойдет.

Когда от сплошной стены деревьев отделилось массивное темное тело, Патогеныч остановился. Я тоже замер у него за спиной, пытаюсь определить, что за тварь выгнали на открытое пространство падальщики Зоны.

Это был небольшой припять-кабан – омерзительный мутант с четырьмя огромными клыками, в разных плоскостях торчащими из пасти. Затем из леса вылетело несколько дохлых псов, следовавших на значительном расстоянии за своей жертвой. Обычно собаки не охотятся на кабанов, те для них великоваты и чаще всего бродят небольшими стадами; впрочем, этот кабан мог быть болен или ранен, хотя на первый взгляд ничем не отличался от здорового. Но собакам-телепатам с неимоверно развитым чутьем, конечно, виднее, на кого охотиться, а на кого нет.

Не обращая на нас внимания, кабан тяжелым галопом проскакал мимо. Следом, сохраняя солидную дистанцию, промчались четыре или пять молодых собак, которым неку-

да было девать дурную энергию. За ними из леса показались несколько ветеранов – они не преследовали метавшегося в разные стороны кабана, а сразу трусили наперерез тому направлению, в котором он бросался в следующее мгновение.

Последними двигались самки со щенками: они обычно почти не принимали участия в загоне, зато свирепо атаковали выдохшуюся жертву, когда та уже не могла бежать дальше и забивалась в какой-нибудь угол. На почтительном расстоянии загонную охоту сопровождали две молодые свиномразы, видимо рассчитывая на остатки собачьей трапезы. Однако собак было много, и я бы на месте свиномразей особо губу не раскатывал. Да и вообще семь раз подумал бы о том, как самому ненароком не оказаться главным блюдом на обеде.

Кабан вдруг резко остановился, разворачиваясь на месте со значительным заносом, словно тяжелый внедорожник. Преследовавшие его собаки тут же прыснули во все стороны, только одна, увлекшись, подскочила слишком близко к кабану и тут же была наказана страшным ударом внушительных кривых клыков.

Неистово взыв, собака пролетела по воздуху несколько метров и тяжело шлепнулась в грязь, подняв фонтан брызг. Не став добивать врага, кабан снова развернулся и бросился прочь от фермы, перпендикулярно своему прежнему маршруту. Собачий молодняк, вывалив языки, азартно кинулся следом, остальные неторопливо потрусили наискосок.

В другое время дохлые псы наверняка разорвали бы сво-

его раненого собрата, но сейчас у них имелось более интересное занятие: мяса в кабане было гораздо больше. Поэтому собаку с перебитым хребтом, издававшую душераздирающие вопли, стая бросила умирать своей смертью. Впрочем, со стороны лесопосадки уже осторожно подбирались свиномразы, готовые бесплатно прекратить ее муки.

Отвлекаться на нас с Патогенычем собаки тоже не стали, тем более что мы находились посреди минного поля ловушек, и выцарапывать нас отсюда было еще опаснее, чем охотиться на кабана. Лишь один ветеран пробежал через тот пятачок, где мы оставили вещи, брезгливо понюхал мой рюкзак и, не обнаружив ничего съедобного, бросился догонять сместившуюся к северо-востоку загонную охоту.

– Пошли, пошли! – скомандовал я, когда собачья стая отделилась от нас метров на триста.

– Подожди, не мельтеши... – с досадой поднял руку Патогеныч.

Взгляд его был устремлен туда, где две свиномразы, взмахивая зазубренными передними конечностями, деловито разделявали умолкнувшую дохлую собаку. Однако в следующее мгновение между падальщиками вспыхнула ссора за лучшие куски, и они, позабыв про все вокруг, принялись ожесточенно драться, неуклюже лупцуя друг друга длинными передними лапами.

Поэтому Патогеныч снова двинулся вперед, прокладывая безопасный путь в сплошном аномальном поле. Даже если

свиномрази и заинтересуются нами, он сможет отогнать их выстрелами из пистолета, а потом мы уже доберемся до тяжелой артиллерии, и тогда лучше бы поганым тварям не приближаться на расстояние прицельной стрельбы.

Две трети пути мы успешно преодолели без всяких аномальных датчиков, а потом наконец включились наши ПДА, и продвигаться стало проще. И все равно пересечение этого коварного участка Зоны требовало максимального напряжения и предельного внимания.

Поэтому, когда четверть часа спустя Патогеныч вполголо-са чертыхнулся, я не сразу понял, в чем дело. Решил, что он наткнулся на какую-то особо сложную ловушку или непроходимый барьер.

Что ж, бывает и так: внутрь проникаешь успешно, а потом что-то сдвигается в окружающем пространстве, и проход оказывается закрыт наглухо. Однажды мне пришлось просидеть на Полигоне двое суток без еды и курева, прежде чем блуждающая птичья карусель отползла чуть в сторону и мне удалось ускользнуть из руин через образовавшийся узкий проход – под самым носом у военных сталкеров, между прочим. Хорошо хоть водки было с запасом...

Однако когда я поднял голову, мне стала понятна причина плохого настроения Патогеныча. Дохлые собаки трусцой возвращались к нам.

Не знаю, что у них там вышло с кабаном, но поймать его они явно не сумели, иначе сейчас у них был бы знатный пир

где-нибудь за соседним холмом. Может быть, он выбрал на стадо сородичей, оказавших ему моральную поддержку, может быть, влетел в большую аномалию, из которой собаки не сумели его вытащить. Может быть, поверженного кабана отнял у них слонопотам. Может быть, они наконец решили, что это слишком опасная добыча.

В общем, какая разница? Главное состояло в том, что собаки возвращались ни с чем – усталые, голодные и сердитые.

– Не дергайся, – на всякий случай предупредил я.

– Пошел к черту, – закономерно отреагировал Патогеныч. До чистого пространства ему оставалось метров пятнадцать, и он упорно двигался вперед, достав из кобуры «беретту». – Сообразим по ходу дела...

Напротив заброшенной фермы понемногу собралась вся стая – дюжина особей разных размеров. Они расселись полукругом возле наших рюкзаков и, уставив на нас безглазые морды, принялись терпеливо дожидаться, когда мы выйдем на свободное пространство и нас можно будет беспрепятственно растерзать.

– Может быть, переждем? – поинтересовался я. – Рано или поздно им надоест нас сторожить. А в аномальное поле они не сунутся.

– Нет, – отозвался Патогеныч, продолжая делать короткие шажки вперед. – Не сегодня завтра выхлоп. Закупорит нас внутри, и останемся сидеть неизвестно сколько. Надо прорываться.

Ну, добро. Конечно, я не был уверен, что нам удастся благополучно добраться до автоматов, вспугнув целую стаю дохлых собак, которые тем больше нагледят, чем больше стая. Но и идея переждать среди аномального поля была так себе, честно говоря. Одна свиномразь вон тоже попыталась пересидеть выхлоп в коровнике, но это не принесло ей счастья. А собаки умеют ждать гораздо лучше сталкеров.

– У меня граната есть, – после паузы пояснил Патогеныч. – Забыл вынуть, когда внутрь полез. Совсем некогда было.

– Отлично, – отозвался я, обкидывая болтами мухобойку, которую недавно благополучно миновал Патогеныч. – Живем. Один пистолет и одна граната – чтобы отбиться от целой стаи дохлых собак, лучшего и желать нельзя.

– Хотя бы пугнем как следует.

– Ну, попробуем... – Отвлекшись на разговоры, я едва не влез локтем в зону действия гравиконцентра, но вовремя заметил, как меня нежно потащило влево, тут же захлопнул пасть и торопливо, с трудом преодолев сопротивление гравитационной аномалии, шагнул в противоположную сторону.

Патогеныч наконец оказался за пределами аномального поля. На всякий случай он остановился на самой его границе: если бы псы атаковали, ему достаточно было бы одного шага, чтобы вновь оказаться в узком коридоре посреди смертельно опасных ловушек, и тогда попробуй его возьми. Поднял пистолет, тщательно прицелился в ближайшую собаку...

Молодые псы заволновались, вскочили с мест, но матерый самец, которого взял на прицел мой напарник, даже ухом не повел. Лишь за мгновение до того, как Патогеныч выстрелил, пес неуловимым движением ушел в сторону, и пуля вонзилась во влажный грунт рядом с ним.

Нет, бесполезно. Если одиночную собаку еще есть шанс отогнать из пистолета, то против стаи шансов нет. Патронов у нас точно не хватит. Дохлые собаки довольно пугливы и осторожны, но когда сбиваются в толпу, коллективный разум у них начинает преобладать над индивидуальным. Так что стая даже не подумает разбежаться и охотно пожертвует парой особей, чтобы остальные члены банды оказались накормлены.

А самое паскудное, что эти твари – телепаты. Проникая в кратковременную память стрелка, они считывают прямо у него из мозгов, куда именно он целится. Поэтому автоматов они боятся больше, чем снайперских винтовок – потому что стрелок чаще всего и сам не знает, куда точно лягут пули длинной очереди. Что касается пистолета, то с ним возможны варианты.

Я потратил еще пару минут, чтобы преодолеть последние несколько метров аномального поля, и встал рядом с Патогенычем.

– Ну, давай, бродяга, пугни их гранатой, – сказал я.

Он вынул из кармашка разгрузочного жилета осколочную гранату. Собаки возле наших рюкзаков насторожились, на-

вострили уши, повернули головы в его сторону. Скорчив страшное лицо, Патогеныч сделал вид, что срывает чеку, широко размахнулся...

Дохлые псы не отреагировали, хотя и продолжали настойчиво прядать ушами.

– Твою бабушку через колено, – проговорил Патогеныч.

– Они же копаются у тебя в голове, – напомнил я. – Они видят, что на самом деле ты не собираешься бросать гранату. Напряги фантазию!

– Да напряг я! – отмахнулся он. Снова быстро и широко размахнулся, после чего медленно опустил руку с гранатой. – Нет, ноль внимания. От твари!

– Они понимают, что ты не швырнешь гранату в сторону рюкзаков, потому что опасаясь повредить автоматы, – пояснил я. – Пока ты сам уверен, что не бросишь гранату ни при каких условиях, псы в этом уверены тоже. Попытайся не думать об автоматах, думай лучше о том, что эта штука у тебя в руках разнесет половину стаи.

– Умный, да? – неодобрительно поинтересовался Патогеныч. – На, сам кидай.

– Отойди, салага, – сказал я, забирая у него гранату. – Ты впустую пожираешь мой кислород.

Я перевел взгляд на дохлых собак возле наших рюкзаков, вытянувших морды в мою сторону. Поганые твари. Облезлые, полуразложившиеся, вонючие мутанты. Шакалы. На самом деле нам с Патогенычем не так уж и нужны автоматы,

чтобы положить прямо на месте дюжину дохлых псов. Половину стаи разметет граната, а остальных мы легко примем в ножи... а, черт, у меня больше нет ножа... плевать, голыми руками порвем! Передушим, как щенят! Зубами растерзаем!..

Я чувствовал, как во мне понемногу закипает неподдельная ярость, и собаки, тоже ощутив это, заволновались, начали привставать, по-прежнему не сводя с меня безглазых морд, словно прослушивая мои мысли чувствительными радарами.

Заберите эти чертовы автоматы себе, твари, все равно они вам не помогут! Мать вашу, как же я мечтаю впиться зубами в ближайшую глотку! Как мне хочется ощутить на языке вкус горячей крови!.. Короче, сейчас я вас всех буду зверски убивать, и для начала держите маленький подарок от дяденьки Хемуля...

Игнорируя протестующий вопль Патогеныча, я решительно вырвал из гранаты чеку и широко размахнулся. Честное слово, если бы дохлые собаки тут же не брызнули во все стороны, словно осколки хлопнувшей со второго этажа чашки, я без малейших колебаний разнес бы их в клочья вместе с рюкзаками и автоматами, и будь что будет.

Я был совершенно уверен, что сейчас брошу гранату. Мне нужно было самому поверить в свою ненависть и отмороженность, чтобы в это поверили собаки. Однако поняв, что мой план удался, я мгновенно погасил бушевавшую в созна-

нии ярость и, продолжая уже начатое было движение, из всех сил запустил гранатой на девяносто градусов от первоначально намеченного направления.

Мы с Патогенычем резко присели. Взрыв не нанес разбежавшейся собачьей стае ощутимого урона – разве что двух или трех псов слегка посекло на излете осколками. Зато мы с напарником прямо с низкого старта рванули к нашим освободившимся от чужого контроля рюкзакам и, схватив автоматы, встали рядом, привычно взяв на себя по половине огневого направления каждый – по четверти часового циферблата.

Недалеко отбежавшие и оглушенные взрывом псы тем временем неторопливо возвращались к нам, настороженно поводя слепыми мордами.

– Итак, господа, – негромко сказал я голосом мультяшного страуса, досылая патрон в патронник. – Не сплясать ли нам знойное латиноамериканское танго?..

Глава 4

Динка

А вечером я сидел в бронированном подвале бара «Шти» перед торговцем Бубной, который, сцепив руки на животе, скорбно взирал на меня из-за своего стола.

– Значит, Патогеныч расколол чертово яйцо выстрелом из «беретты», – со вздохом вычленил он главную идею моего рассказа.

Возможно, Бубна надеялся, что когда он произнесет это вслух, я сам пойму, насколько безумно это звучит. Тем не менее я кивнул и сказал:

– Ага.

– И тебя обсыпало осколками, – продолжал припирять меня к стенке торговец.

– Точно, отец. – Припираться к стенке я категорически отказывался. – В яблочко.

– Но тем не менее ты сейчас здесь, а не валяешься тушкой за Периметром.

– Нет, я как раз валяюсь, а с тобой сейчас разговаривает мой брат-близнец, с которым нас разлучили еще в младенчестве.

Бубна внимательно посмотрел на меня, словно и в самом деле пытаюсь найти в моей внешности какие-то неуловимые

отличия от знакомой физиономии Хемуля, затем сокрушенно покачал головой:

– Ну, допустим. А если ты тогда заразу какую притащил, сынок? Что прикажешь делать?

– Значит, не судьба. – Я едва заметно пожал плечами. – Все по одной дощечке ходим, чего там. Без риска в нашем деле никак. У тебя тут курить можно?

– Нельзя, – отрезал хозяин кабинета. Побарабанил короткими волосатыми пальцами по столу. – Ну, значит так, бродяги. Если я узнаю, что вы отнесли яйцо Сидору, Нафане или Клещу – а я узнаю, будьте уверены, – то я серьезно рассерчаю. Как минимум пострадают наши деловые отношения. Это как минимум.

Бродяги – это он так ко мне обращался. В целях безопасности сталкеры в подвальный кабинет с люком от подводной лодки допускались исключительно по одному. Патогеныч же всегда почему-то страшно робел перед Бубной, поэтому отдуваться за свой героический подвиг в коровнике послал меня. Похоже, очень давно, еще до моего появления в Зоне, между ними произошло что-то на редкость неприятное, из-за чего мой старый приятель до сих пор избегал вести с Бубной самостоятельные дела.

– О как, – понимающе отозвался я. – Серьезно рассерчаешь, значит. Думается мне, это будет трагическая потеря для человечества.

Торговец молчал, пожирая меня мрачным взглядом.

Когда я вернулся в клан после двухмесячного отсутствия, мы с ним мигом ладили. Старый плут понимал, что тогда, в осажденных мутантами «Штях», когда у нас с ним вышли некоторые идеологические разногласия, я был в своем праве. В конце концов, джип со двора угнал не я, а Хе-Хе с «туристами». А я имел полное право забрать свое оружие и уйти. Что я, в общем-то, и сделал.

И кроме того, Бубна не мог не понимать, что мы с моим вторым номером и «туристами» сделали за него его собственную работу – спасли Динку и бармена Джо. А самое главное, он был деловым человеком и не собирался разбрасываться опытными сталкерами – дольше меня из нашего клана топчет Зону, пожалуй, только Патогеныч, да еще Гвинпин тоже понемногу приближается к рекорду долгожительства Ивана Тайги. Так что после моего возвращения Бубна не задал мне ни одного неправильного вопроса и вообще сделал вид, что я просто уезжал в отпуск. Меня это вполне устроило.

Честно говоря, сначала я не собирался возвращаться вообще. Мне казалось, что катастрофа, которую при моем непосредственном участии учинили объединенные силы американских и русских спецслужб, переросла в глобальную. Когда я бросил выживших «туристов» с Динкой и Айваром возле нового Периметра, чтобы не попасть в лапы к военным, ситуация выглядела пиковой. После того как Камачо зарядил в сеть Хозяев Зоны какие-то загадочные коды, Зона рывком

расширилась на тридцать километров, а затем продолжила расползаться – медленно, но неуклонно. Я шагал к границе Зоны, но она приблизительно с той же скоростью убегала от меня.

Расквартированные возле второй линии обороны гарнизона коалиционных сил, не готовые к такой беде, были раздавлены дольно быстро. Зона неумолимо двигалась в сторону Киева, на столицу перли стаи обезумевших кровожадных тварей. Дорогу им преградили два российских мотострелковых батальона, которые устроили мутантам кровавую баню и, скорее всего, остановили бы их, если бы проползшие прямо через оборонительные ряды гравиконцентраты не уничтожили большую часть боевой техники.

В результате катаклизма погибло множество военных разных национальностей, большое количество бродяг осталось в Зоне навсегда. Лишь стянутые со всех ближайших областей украинские войска сумели остановить прорыв. До следующего утра по остаткам мутантов работали тяжелая артиллерия и вертолеты.

А потом все кончилось. В какой-то момент электронная аппаратура военных перестала сходить с ума, а отдельные прорвавшиеся твари началидохнуть одна за другой. Зона разом вернулась в свои прежние границы. Аномалии отступили вместе с ней, а не успевшие достаточно быстро отступить мутанты усеяли своими разлагающимися радиоактивными телами среднеукраинские пейзажи.

То ли загадочным Хозяевам Зоны так и не удалось запустить дополнительный реактор, коды доступа к которому сбросил им Камачо, то ли он действительно зарядил им в сеть вредоносную программу и Хозяева, решив, что это первый удар массированной атаки военных, в отчаянном порыве решили нанести контрудар всеми имеющимися средствами, разом уничтожив силы противника, сконцентрированные по Периметру.

Как бы то ни было, ничего у них не получилось; впрочем, Зона тоже так и не была уничтожена. Она вернулась в свои прежние границы и снова затаилась, а наши ребята, окопавшиеся в «Штях», благополучно пересидели там Большой Прорыв, как тут же окрестили данное бедствие военные коалиционных сил.

Меня все это интересовало мало, ибо к тому времени я уже выбрался из Зоны, проскользнул через немногочисленные армейские заслоны, прикопал в приметном месте свой «хопфул», а потом, добравшись пешком до ближайшего населенного пункта, уехал с беженцами в родной Харьков. Мне казалось, что на этом моя сталкерская карьера благополучно окончена.

Проведал матушку с сестренками, оставил им малость денег на хлеб – с маслом и черной икрой, ясное дело. Погулял по местам боевой славы своей юности, посорил бабками в «Метрополе», покатался на канатной дороге. Навестил Люську, зачем – сам не знаю; сначала это показалось мне хо-

рошей идей.

Потом уехал в Киев. Пошатался по Крещатику, поклубился по ночным клубам, повидался с Калбасиком – в свое время мы славно зажигали в Зоне, пока Калбас не решил, что с него достаточно адреналина, и не смотался на родину. Кстати, именно он научил меня готовить правильный техасский стейк, который я поджарил в гостях у Звериного Доктора. Теперь Калбасик занимал пост средних размеров в столичной полиции. Звал в органы и меня, но я вежливо уклонился от заманчивого предложения.

Потом съездил во Львов, потом в Москву и Питер. Везде мне было душно и скучно. Суета, шум. Люди. В толпе я чувствовал себя неуютно до чертиков, я постоянно ловил себя на том, что машинально фиксирую, кто из прохожих может нести под курткой ствол, кто излишне пристально на меня смотрит, кто способен представлять наибольшую угрозу при внезапном нападении. Я не мог расслабиться в мирном городе – начисто забыл, как это делается.

Первое время мне жутко хотелось поехать куда-нибудь в Южную Европу, поваляться на чистом песке под правильным солнышком, попить марочного вина, пожевать омаров. Познакомиться в Харькове с симпатичной студенточкой – девушки у нас там знатные, ничем не уступают московским и крымским, а по меркам Европы вообще отпад, – пригласить с собой, устроить ей непродолжительное, но незабываемое приключение с матерым, но нежным самцом. Благо заграни-

паспорт у меня на всякий случай давно был оформлен. Я даже зашел в пару турагентств, чтобы разведать обстановку.

Денег на эту авантюру у меня было достаточно. На счету в киевском банке меня ждала некоторая сумма на черный день, а кроме того, у меня имелся гонорар от полковника Стеценко из ФСБ. Прежде чем обналичить эту карточку, я долго смотрел на нее, но в конце концов перевел деньги на свой счет, а карточку сломал и выбросил. Заманчиво, конечно, но пусть со спецслужбами работают идиоты или фанатики вроде Хе-Хе. Случай с американскими «туристами» и вызванными ими катаклизмами лишний раз продемонстрировал: держись подальше от спецслужб и их запутанных интриг, приятель, целее будешь.

В итоге я, разумеется, никуда не поехал. Потосковал, помучился, несколько раз напился как свинья, после чего сдал билеты и, не попрощавшись с симпатичной студенточкой, вернулся в полуразрушенный после Большого Прорыва Чернобыль-4. Вот такой я кретин, радиоактивное мясо.

Да, здесь я на своем месте. Здесь я всех знаю, я представляю, как себя вести и как поступать в определенных ситуациях. Здесь я свой.

Мне только здорово доставало Динки, маленького кусачего зверька, проклятой лживой сучки, подтеревшейся моими чувствами. Разумеется, они с Айваром так и не вернулись в «Шти», они ведь не кретины вроде меня. Я надеялся, что у них все будет хорошо и она не позволит ему бить себя чаще

двух раз в неделю. Больше было бы перебором.

Чепуха. Бабы – чепуха. Я немедленно нашел себе отличную замену. Ириш, коллега Динки по стриптиз-подиуму «Штей», сохла по мне уже не первый год. Некоторое время назад, еще в начале моей сталкерской карьеры, мы с ней несколько раз крайне удачно перепихнулись, и с тех пор она мне проходу не давала в надежде повторить столь славный опыт. Однако у меня к тому времени уже была Динка, а я считал западлом крутить романы на стороне при живой подруге. Слишком много она для меня значила.

Теперь, когда выяснилось, что сама подруга так не считает, никаких тормозов у меня не было. Ириш оказалась первой в очереди – и наплевать, что ею когда-то хвастались и Муха, и Енот, и покойный Астроном. Мне теперь, похоже, на все было глубоко наплевать.

Ириш оказалась так же хороша в постели, как и пять лет назад. Только поистаскалась малость за прошедшие годы; впрочем, все мы не молодеем. Однако меня здорово доставало ее постоянное подбострастие, нелепое стремление всё время угождать небожителю, который наконец откликнулся на ее страстные молитвы и спустился с небес, то есть мне. Я не чувствовал с ней того душевного комфорта, который ощущал когда-то со своей черноволосой девочкой – колючей, ершистой, дерзкой, независимой и непредсказуемой.

Нет, в добровольной рабыне я не нуждался. Я переехал жить к Ириш, поскольку мне было собраться – только под-

поясаться, однако остро ощущал, что все это понарошку и ненадолго.

Вот такая жизненная ситуация сложилась у меня к тому вечеру, как мы с Патогенычем отправились за чертовым яйцом.

– Ну, что ж, бродяги, – проронил наконец Бубна. – Смотрите, я вас предупредил. В конце концов, я готов накинуть еще две сотни. Но это уже будет конкретно последнее слово. Больше вы не получите ни от Нафани, ни от Сидоровича.

– Отец, – проникновенно сказал я, – всего лишь за четверть суммы я могу вернуться на Полигон и принести тебе осколки этого чертова яйца. Надо было сразу прихватить несколько, чтобы ты поверил, но нам было немного не до того. Сильно пахло жареным. Да и контейнер свой я посеял.

Некоторое время Бубна молча гипнотизировал меня испытующим взглядом. Я взирал на него спокойно и миролюбиво, не моргая и не опуская глаз. Мне скрывать нечего.

Торговец сдался первым.

– Ладно, – безразлично пробурчал он. – Ступай, развлекайся. После поговорим. Рыжий, проводи.

Рыжий был новым старшим барменом «Штей» и доверенным лицом Бубны вместо исчезнувшего Айвара. Нет, все-таки Джо поступил очень мудро, что не вернулся в Зону, иначе на третий или четвертый день я все-таки не выдержал бы и непременно прикончил ублюдка – возможно, прямо в кабинете у его босса.

Вернувшись в общий зал, я забрался на свой высокий стул перед стойкой.

– Порядок? – поинтересовался сидевший рядом Патогеных.

– Порядок, – сказал я. – Даже не испачкался.

– Ну, тогда нет повода не выпить за очередное успешное избавление от смертельной опасности.

Я так и не понял, что он имел в виду – наши утренние похождения на Полигоне или мой разговор с Бубной, но переспрашивать не стал. Оно мне надо? Выпить имело смысл в любом случае.

Мы душевно выпили по полстакана прозрачного и закусили ничем.

По телевизору над головой бармена, как обычно в это время, крутили мультик про страуса. Данную серию я уже видел раз пятнадцать, однако все равно невольно косил взглядом на экран. Обожаю эту рисованную бестию, ничего не могу с собой поделать. Есть между нами что-то неуловимо схожее.

И особенно люблю наблюдать, как он реагирует на всякие серьезные опасности: невероятно тупо, но с глубоким достоинством и не теряя присутствия духа. Наш человек, прирожденный сталкер.

«Хаба-хаба! – доносилось из телевизора. – Однако в такой дурацкой ситуации я не оказывался даже в Канаде! Ни хрена ж себе день начинается...»

– Ты, кстати, новость слышал? – между делом поинтере-

совался Патогеныч, примериваясь к очередной порции прозрачного.

– Пес его знает, – лениво отозвался я. – Может, и слышал. Это смотря какую.

– Ребята говорят, сегодня новая стриптизерша будет выступать. Видал, народу в бар набилось ближе к программе?

– О, круто, – сказал я. – Наконец-то. Симпатичненькая? Если понравится, тряхну стариной. Как зовут?

– Динка, – проговорил Патогеныч, глядя на меня. – Дина Байчурина.

– А. – Я мигом поскуchnел и снова уткнулся в экран.

«Бабы – чепуха, – авторитетно поведал мне с экрана мультяшный страус. – Без баб тоже неплохо. То есть я, конечно, не гей, но и без баб тоже неплохо. Уважаемый, когда мне наконец принесут пиво?...»

– «А» – это всё, что ты можешь сказать по этому поводу? – на всякий случай уточнил Патогеныч, когда мрачное молчание затянулось.

– Ну, в общем да, – ответил я. – Дура она, вот что. Нечего нормальным женщинам здесь, рядом с Зоной, выменем трясти. Уехала – и молодец. Жила бы себе спокойно, детей рожала каким-нибудь барменам... – Помолчав, я всё же признал: – Впрочем, рад. Она всегда была звездой местного стриптиза, и без нее программа много потеряла.

Патогеныч шумно вздохнул. Без тоста и не дожидаясь меня осушил свою порцию прозрачного, принялся задумчиво

катать пустой стакан по стойке, пока Рыжий не подошел и не отобрал у него хрупкую посуду.

– Вот что, брат, – проговорил мой приятель. – Ты уже большой мальчик и сам способен решить, что для тебя хорошо и что плохо.

– Спасибо, что заметил, – отозвался я. – Я, в общем, приблизительно так и думал. А к чему ты это сказал?

– Так, ни к чему. – Он развернулся на стуле и принялся наблюдать, как полуголая Ириш плавно скользит по стриптизному подиуму.

Пока выступали Ириш, Гюзель и длинноногая Светка, мы с Патогенычем успели чокнуться еще пару раз, а поскольку порции у нас были вполне взрослые, вскоре я начал испытывать настоятельную потребность подраться с кем-нибудь. Патогеныч для этого не годился – рука у него тяжелая, а рукопашная подготовка вполне неплохая. Я же не сказал, будто возмечтал вдруг, чтобы мне начистили морду, я сказал: «подраться».

Однако с этим мне не повезло. Потому что сталкеры за соседними столиками вдруг зашевелились, по залу побежал шумок, и на подиум одним прыжком мягко и хищно выметнулось под бодрую музыку оно – горе мое черноволосое, лживая сучка, которую я ненавидел больше всех на свете.

Динка, солнышко мое. Здравствуй, родная. Сто лет бы тебя не видеть, коза.

Зал взорвался общим радостным воплем. Я не стал смот-

реть, чем там занимается эта стерва – польщенно раскланивается или, по своему обыкновению, с каменным лицом сразу начала танец, не обращая внимания на массовый восторг поклонников. Мне до нее больше не было никакого дела.

Я решительно развернулся на вращающемся стуле к стойке.

– Рыжий, посчитай-ка, – я описал пальцем окружность над своей последней порцией, – вот таких вот сколько было? Заплачу хабаром.

– Э, куда это ты собрался? – возмутился Патогеныч.

– Домой, – честно признался я. – Спать. – Кулаки чесались по-прежнему, но я отчетливо понимал, что здесь и сейчас не время и не место.

– Никаких «домой»! – рявкнул напарник. – Вместе пришли, вместе уйдем, понял? Кто меня пьяного обратно на себе потащит – Енот?!

Я невольно усмехнулся, представив себе эту картину.

– Нет, Енота ты, пожалуй, раздавишь на месте, – согласился я. – Ладно, пьем дальше, если настаиваешь. – Я жизнерадостно помахал Рыжему: – Слышь, брат, не считай пока. Папенька возражает.

Без тоста и без Патогеныча я опрокинул в себя очередные пятьдесят и, сморщившись, показал бармену на пустой стакан, после чего поднял два пальца. Рыжий кивнул и стал готовить мне двойную порцию.

Сообразительный парнишка; Джо, например, в такой си-

туации налил бы в стакан водки на два пальца. То есть я именно это и имел в виду, но вариант Рыжего меня тоже вполне устроил. Пожалуй, сейчас как раз вариант Рыжего устраивал меня больше всего.

Повернувшись спиной к стриптизному подиуму, я зачерпнул из миски, стоявшей возле бармена, горсть ржаных сухариков и принялся жевать их, уткнувшись в телевизор. Очередную начавшуюся серию про страуса я тоже смотрел много раз, что не помешало мне с неподдельным интересом следить за уже знакомыми похождениями анимационной бесстии. Не знаю, понравилось ли Динке созерцать со сцены мою сторбленную спину; мне хотелось надеяться, что очень, очень понравилось.

Патогеныч явно был недоволен моим поведением, но ничего не сказал. Ну еще бы. Попробовал бы. Тогда бы я сегодня точно подрался, что пошло бы мне только на пользу.

Динкино выступление очень кстати закончилось вместе с мультиком.

– Блестяще, – с чувством произнес я, снова поворачиваясь к подиуму. – Никогда не видел ничего круче. Гениальный мульт. Ты видел, как он выбросил его из машины и сказал: «Дальше сам доедешь, ублюдок?»

– Дурак ты, Хемуль, – с сожалением сказал Патогеныч, сползая со стула.

– Чё, правда? – изобразил удивление я.

– Не то слово, – пробурчал Патогеныч и побрел в туалет.

– Ну, значит, не судьба, – задумчиво проговорил я в пространство, придвигая к себе отмеренную Рыжим двойную порцию прозрачного.

Отгадайте загадку: прозрачное, но не вода? Вот именно.

Очередную порцию я принялся цедить меленькими глоточками, как научил меня в свое время один мичман. На душе у меня было исключительно погано. Причем непонятно отчего. Неужели оттого, что совсем рядом, рукой подать, снова была моя бывшая подруга?

Нет, чепуха. Я полностью вычеркнул ее из своей жизни. Такие вещи не прощают.

Неприятно, конечно, в ее присутствии оживают дурацкие воспоминания и всё такое. Однако всё, что между нами было, уже благополучно отболело и умерло. Я хозяин своим эмоциям, я свободен и счастлив. Отчего же так исключительно погано на душе?..

Некоторое время болезненно помедитировав над своей порцией, я вдруг обнаружил, что стакан пуст. Я совершенно не помнил, когда и каким образом опустошил его, но на всякий случай заказал еще прозрачного – на тот случай, если бармен меня разводит и зачем-то коварно пытается не дать мне нажраться. И снова замер в горестных размышлениях...

– Привет, Хемуль.

Я даже не заметил, как она подошла и залезла на соседний стул у стойки. На ней был шикарный, но довольно строгий халатик, черный с серебряными драконами. Повинуясь ее

безмолвному жесту, Рыжий тут же принялся готовить сложный коктейль.

– Сейчас старик вернется и прогонит тебя пинками со своего места, – ровным голосом предупредил я, технично оставив ее приветствие без внимания.

– Ничего, мы с ним договоримся как-нибудь. – Она придвинула к себе мою пепельницу, вытащила из валявшейся на стойке пачки Патогеныча сигарету, помяла в пальцах. – Прикурить не дашь? – поинтересовалась после затянувшейся паузы.

Я вежливо щелкнул зажигалкой, дал ей прикурить. Спрятал зажигалку в карман, по-прежнему бездумно глядя в телевизор. Она деликатно выпустила в сторону от меня длинную струю дыма, затянулась снова. Кивнула в сторону телевизора:

– Страус?

– Страус, – сдержанно подтвердил я.

– Классно, – проговорила она и снова замолчала.

Вот почему так: эта девица в баре впервые после того, как Бубна поменял бармена, но новичок уже досконально знает, как готовить ее любимый коктейль, и начинает делать это по одному движению ее руки? А я потратил две недели, только чтобы этот барбос запомнил, на сколько пальцев мне следует наливать в стакан прозрачного, и то он еще умудряется ошибаться. Нет, я понимаю, у меня нет таких буферов, такой задницы и такой роскошной шевелюры, но все равно как-то

несправедливо устроен мир.

От солидного количества выпитой водки меня уже волокло со страшной силой. Впрочем, оно и к лучшему: не стану выбирать слова и выражения. В трезвом виде я обычно слишком дипломатичен, когда общаюсь с женщинами.

– Чего у тебя руки в бинтах? – помолчав, спросила Динка. – Опять подрался с мужиками?

– С Дядей Мишей за руку поздоровался, – равнодушно отозвался я. – Твое-то какое дело?

– Да никакого в общем-то.

И снова повисла дурацкая пауза. А о чем прикажете говорить? Интересоваться здоровьем Айвара?

– Не ожидала тебя сегодня увидеть, – вновь нарушила продолжительное молчание моя бывшая, задумчиво разглядывая поднимающийся к потолку дым своей сигареты.

– В последний раз ты тоже не ожидала меня увидеть, подруга, – не выдержал я наконец. – Помнишь? Когда уединилась с Джо.

– Всё еще злишься на меня? – хмуро спросила Динка, пытаясь заглянуть мне в глаза.

– Зачем, – безразлично произнес я, не отводя взгляда. – Злость унижает человека.

– О как.

– Ну. – Я поболтал пальцем в миске с сухариками. – А ты как поживаешь, красавица? На хрена вернулась? Не все еще деньги заработала?

– Слушай, ну какого черта?! – Терпение у моей красавицы явно заканчивалось, но какое мне теперь дело до ее терпения? Ровно никакого. – Я же хочу с тобой серьезно поговорить!

– А я с тобой не хочу.

– Хемуль!..

– Пошла вон, сучка.

Динка вскочила, отшвырнув сигарету, на ее смуглых щеках вспыхнули красные пятна, на округлившихся губах явно плясало грязное, очень грязное ругательство. Несколько мгновений я смиренно ожидал, что она с размаху влепит мне пощечину или выплеснет в морду мое прозрачное, но она вдруг закрыла лицо руками и, разрыдавшись, бросилась в подсобные помещения бара.

Ну и ладушки. Я равнодушно развернулся к стойке и придвинул к себе стакан. Прозрачного было еще много, и если бы оно оказалось у меня на морде, а не отправилось по назначению, было бы обидно.

– Хемуль! – кто-то решительно положил мне руку на плечо.

Я скосил глаза: рядом со мной стоял Борода.

– Послушай-ка, брат, – проговорил он. – Перед девочкой надо бы извиниться.

– Ну? – удивился я, лениво стряхивая его руку. – Так вот прямо и извиниться?

Борода вздохнул. Чертов москаль, интеллигенция хрено-

ва. Нет бы сразу без разговоров в морду сунуть, так ведь сначала полчаса совестить будет.

– Хемуль, – веско сказал он, – извинись перед Диной. Мы тут и так без нее скучали столько времени. Не надо нам всем портить настроение, а?

Я вдруг обратил внимание, что весь зал сидит и смотрит на нас. Ну, правильно, не так часто здесь бывает бесплатный цирк с участием легенды клана и танцовщицы, о которой мечтает каждый мужчина, что только ее увидит.

– Ну да, да, – философски покивал я. – В пианиста не стрелять, стриптизерш матерными словами не называть. Закон такой. Понимаю. Только я к ней, брат, не подсаживался вроде. Сижу, никого не трогаю, пытаюсь допить свое прозрачное...

Борода хмыкнул.

– Вставай, – сказал он.

– Уверен? – поинтересовался я, поднимаясь.

– Давно ни в чем так не был уверен.

Из глубины помещения кошачьим шагом к стойке приблизился Муха, присел на стоявший рядом стол Мельника, скрестил руки на груди.

– Я следующий, – пояснил он мне. – Когда вырубишь Бороду, я с тобой потолкую по-приятельски.

– Третий нах! – радостно рявкнул от стены Фаза.

– За тобой, – тут же отозвался Крот.

– В десятке, – проворчал Монах.

– Вы мне хоть тайм-ауты давать будете? – поинтересовался я, отодвигая свой табурет и разворачиваясь лицом к Бороде. – Чтобы трупы оттаскивать?..

Борода атаковал меня без дальнейших предисловий, так что последний слог я проглотил. Уклонившись от прямого в челюсть, я поднырнул под его выброшенную вперед руку и со всей дури угостил нападавшего крюком по корпусу, точно под сердце, на мгновение выбив дух из его грудной клетки.

Борода тут же растерял всю свою резвость, но второй крюк, хоть и задыхаясь, встретил правильным блоком. Фигли там, если я ему сам когда-то ставил защиту. В общем, по защите еле-еле зачет, курсант, а по нападению два с вожжами. То есть с двумя минусами. Если в ближайшую пару минут не дотянешься до моей морды, будем считать, что экзамен на краповый берет не сдан, приходи через полгода.

Из-за столика, за которым сидел Борода, начали вскакивать его отмычки, но москаль злобно шикнул на них, и они притихли. Молодец Борода, целую команду воспитал себе. Мы с Мухой и Енотом всё время кого-нибудь теряем, соответственно, и команда у нас каждый раз новая. А Борода уже полгода одним составом ходит. Оттого и отношение к нему у малолеток другое. Каждый ветеран, который идет в Зону с отмычками, только и глядит, чтобы ему сзади перо между ребер не сунули. Отмычки нас ненавидят и боятся. А вот за Бороду его ведомые готовы глотки рвать. Педагог, итить.

Борода, в общем, проявил завидное рвение и дважды был

близок к успеху, однако экзамена так и не сдал. Я пропустил пару не самых мощных ударов по корпусу, но и только. Было больно, но никакого серьезного вреда эти удары мне не причинили. А вот мой противник уже успел заработать в солнечное сплетение – вполсилы, правда, – в челюсть и в глаз.

Наконец я нащупал брешь в одном из его блоков и, совершив обманный маневр, молниеносно сунул кулак в прореху в защите. Удар пришелся по кончику подбородка, и Борода в сокрушительном нокдауне рухнул на стойку, таки опрокинув мое недопитое прозрачное, паскуда.

– Один – ноль. – Я повернулся к публике, дуя на ободранные костяшки пальцев правой руки. – Муха, готов?..

В этот момент из туалета, располагавшегося напротив стриптизершиных переодевалок, вернулся Патогеныч, который с ходу оттер Муху в сторону и ухватил меня за грудки. Похоже, по дороге он уже оперативно вошел в курс дела.

– Придурок, ты чего, я не понял?! – яростно зашипел он. – Что за хрень, сталкер? Ты почему нашу красавицу плакать заставил? Ты вообще соображаешь, нет? А ну побежал бегом и быстренько извинился, радиоактивное мясо!

– А не то что? – с искренним любопытством поинтересовался я.

– Дедусь, – Муха подергал Патогеныча за футболку, – вообще-то мы его тут уже бьем. Если хочешь, вставай в очередь.

Тот агрессивно встопорщил бороду.

– Хрен ли полено бить, оно деревянное! – рявкнул он. – Слушай, Хемуль, я на голову совсем больной, ты меня знаешь! Не удивляйся потом, когда вылетишь из клана как пробка! Ты ветеран, брат, и тебе многое позволено, но даже ветеран должен вести себя по понятиям. Мы Диану Эдуардовну обижать не дадим. Блин, сколько ты сам морд разбил из-за нее, гнида!..

– Твою мать, – расстроился я. – Патогеныч, давай это будет мое личное дело, а? Это только нас с ней касается, понимаешь? Какого черта сюда еще клан приплетать?..

– Нет у тебя в этом баре личных дел! – прорычал он. – Проблемы у вас – так разберитесь наедине, без публичных концертов! Елки, да что я тебя учу, как малолетку!..

Я задумался. Блин, как ни крути, а ведь старик прав. И сегодня я еще обязан ему жизнью. И мало того, ради спасения моей шкуры он без размышлений расстрелял две большие кучи денег, которые собирался отхватить за чертово яйцо, а это было куда серьезнее, хоть он так и не выставил мне за это предьяву.

– Ладно, черти, уговорили, – нехотя сдался я, поднимая обе руки. – Мертвого уболтаете. Особенно Патогеныч. Схожу извинюсь. А потом я к вашим услугам, джентльмены, если кто захочет продолжать.

– Извинишься – вопрос будет снят, – заявил Муха. Он сполз со стола и направился на свое место. – Я, конечно, никогда не против размяться, но без повода и на трезвую голо-

ву дерутся только полные лохи. Вот когда примем по триста, ты ко мне подойди и скажи что-нибудь обидное, а дальше поглядим. Что-нибудь про очки. Может быть, я даже не сразу смажу тебя по морде.

– Во мне уже триста, – заметил я.

– Тогда жди, когда я тебя догоню.

Потоптавшись возле стойки, я направился к переодевалкам. Уши у меня натурально горели багровым пламенем, я чувствовал спиной два десятка взглядов.

Тьху, идиоты. Ну, извинюсь я – и что будет? Счастье для всех, много и даром, и чтобы никто не ушел трезвым? Пламенные борцы за справедливость, ёпта...

Дверь в Динкину переодевалку оказалась заперта. Подергавшись без толку, я вежливо постучал одним пальцем:

– Диана Эдуардовна, откройте, пожалуйста. Полиция!

– Пошел на хрен, – донеслось из-за двери.

Пожав плечами, я с полуразворота ударил ногой в замок. Хлипкая дверь жалобно крикнула, а после второго удара распахнулась настежь. Покосившись в конец коридора, выходящего в общий зал, я заметил там вышибалу Храпа, который стоял, устремившись ко мне всем телом, словно гончая, почуявшая добычу; Патогеныч, обхватив его сзади поперек корпуса, что-то горячо ему втолковывал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.